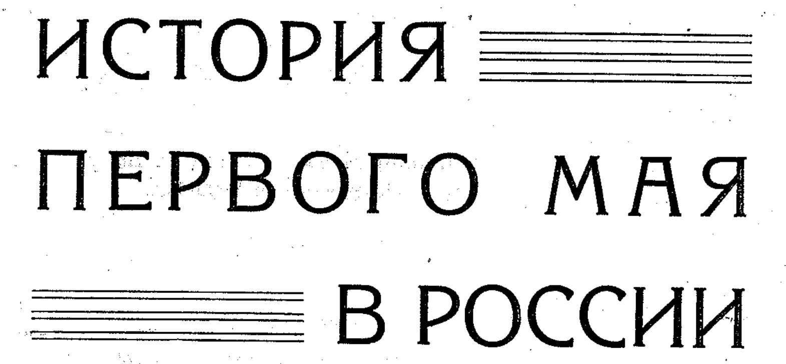
А. РАЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО МАЯ В РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД — МОСКВА — 1923.

А. РАЕВСКИЙ.

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО МАЯ В РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА. 1923. ПЕТРОГРАД.

Донлит № 954.—Рсстоз на Дону.
Тираж—2-ые 5000 экз.

Типография Государственного Издательства,
Ростовского на Дону Отделения.
Ул. Фр. Энгельса, № 106.
Заказ № 183.

Всем убитым на улицах;

всем засеченным нагайками и раздавленным копытами жандармских лошадей;

всем замученным в казематах царизма и в далекой Сибири;

всем повешенным и расстреленным у тюремных стен;

всем погибшим в титанической борьбе российского пролетариата с царизмом и буржуазией,

борцам за Великую Коммунистическую Революцию

этот труд свой посвящает автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая небольшая работа писалась в очень тяжелых условиях. О истории Первого Мая написано немного, а то немногое, что существует, в значительной части не могло быть использовано мной, так как я не имел возможности по условиям своей деятельности приехать в Москву или Питер, где эти материалы имеются.

Не приходится говорить, чпо мне пришлось пользоваться даже не полным комплектом „Искры“ и еще более разрозненным собранием позднейших социал-демократических заграничных изданий, из которых почти все—меньшевистского толка.

В основу моего изложения до 1906 года положен **фактический материал**, заимствованный из „Истории (вернее памфлета по истории) Первого Мая в России“ Акимова-Махновца, вождя „экономического“ течения в российской социал-демократии, дающего, к слову сказать, чрезвычайно извращенное изложение первомайского празднования. (См. „Былое“, 1905, X, XI и XII книга).

О годах войны (1915 — 16) мне, к величайшему сожалению, не удалось почти совсем найти литерат. источников, что и отразилось на соответственном изложении.

Недостатки предлагаемой „Истории Первого Мая в России“ для меня ясны. Но решимость выпустить ее в свет даже в таком виде создалась у меня под влиянием полного отсутствия отдельной работы, посвященной этому вопросу. Таким образом, я заполняю известный пробел в русской литературе и даю краткий обзор в руки наших пропагандистов и вообще всех рабочих, которые заинтересуются своей историей.

Вся брошюра просмотрена тов. Э. И. Квирингом, давшим мне ряд весьма ценных указаний.

А. Раевский.

Ростов-Дон.
2/IV—23.

ПЕРВОЕ МАЯ—международный рабочий праздник. Это праздник не в том смысле, который придает ему (празднику) паразитирующий буржуа—день лени и ничегонеделания,—это праздник борьбы, день выхода наружу дремлющих сил пролетариата, день, когда последний подсчитывает свои силы и пробует их в борьбе с врагами.

Ни сознательность пролетариата, ни силы его не создавались сразу; этому предшествовал долгий и тяжкий период ошибок, неверных шагов, неправильных действий и мыслей. „Пролетариат учится на своих собственных ошибках“, ибо самый главный учитель его—самая жизнь. Вот почему океаны крови и монбланы костей покрывают его путь от момента его рождения и по сию пору. Эта кровь и эти кости—цена выучки рабочего класса в капиталистической школе. Великая и святая плата! Она заплачена полностью, и ученик в праве применять выученное к реальной действительности, и даже больше того: он уже применяет. Русский рабочий класс, совершивший величайшую во все времена революцию,—только гордый авангард необозримых рабочих масс; за ним идет в много раз большая армия, ибо нет русских, немецких, французских, английских пролетариев, есть один класс, класс наемных капиталистических рабов, на беспощадной эксплоатации которых покоится вся современная культура, культура вспоенная потом и кровью того класса „превращением всего свободного времени которого в рабочее создается свободное время буржуазии“.

Поэтому мы говорим: Первое Мая—**международный** праздник. Капиталистический способ производства об‘ективно, вне воли его суб‘ектов (носителей), создает в рабочем классе две противоположные тенденции: он противопоставляет каждого рабочего другому, как конкурента, рабочих одной отрасли—другой, рабочих одной страны—рабочим другой, с одной стороны, а с другой—он сплачивает всех

рабочих без исключения, чернорабочего с чернорабочими, квалифицированного и необученного, слесаря и ткача, немца, француза с русским и японцем: одним словом,—весь пролетариат, поскольку противополагает все более и более резко их всему классу капиталистов. **С этой точки зрения**, история революционного рабочего движения есть в сущности история перехода все большей части рабочего класса на точку зрения солидарности интересов всех рабочих и диаметральной противоположности этих интересов с таковыми капиталистов.

Лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, выкинутый 75 лет тому назад „Манифестом Коммунистической партии“ [1]) был как по форме, так—главное—и по содержанию **призывом**, а вовсе не констатированием факта; должно было пройти три четверти века, пока мы подошли к реальному воплощению его в жизнь, хотя все еще не в полной мере. Прошло однако 16 лет, и эти крылатые слова обращения лондонского „Союза Коммунистов“ об‘единили передовых рабочих Европы и, позднее, Америки: 28 сентября 1864 года на митинге в Сент-Мартинс-Холле (в Лондоне) было создано „Международное Товарищество рабочих“, в числе главных организаторов которого был не кто иной, как величайший вождь пролетариата—Карл Маркс.

„Международное Товарищество Рабочих“ (Первый Интернационал) официально просуществовало до 1876 года, хотя фактически его деятельность замерла за несколько лет до этого. Дав организационную оболочку стихийному движению рабочих масс, оно, однако, не сумело приспособиться к росту социалистических партий по отдельным странам; сыграв громадную роль в деле пропагандирования рабочих масс в духе воинствующего социализма, способствуя прояснению классового сознания, оно не смогло **организационно** овладеть новым движением Не в силу личных столкновений, а благодаря внутреннему диалектическому противоречию поступательного хода мирового рабочего движения распался Первый Интернационал. То что послужило камнем преткновения для него послужило краеугольным камнем для нового международного об‘единения, II Интернационала, первый, учредительный с‘езд которого состоялся в Париже в 1889 году.

---

[1]) Составленным К. Марксом и Ф. Энгельсом.

С тех пор, в течение 25 лет, II Интернационал руководил рабочими во всем мире. При нем пролетарское движение сделало громадные успехи, широко распространяясь; но внутренний червь точил это об‘единение: II Интернационал родился вместе с эпохой империализма (80-ые годы) и погиб бесславной смертью в момент начала краха империализма (1914 год). Гибель его обусловливалась тем, что он не смог противоборствовать яду империалистического влияния, подкупающего рабочих Европы и Америки. Связав интересы рабочих своих стран с колониальным и полуколониальным ограблением, империализм вбил клин в единое рабочее движение, вырвать который II Интернационал не смог, скатившись в своем большинстве к социал-предательству. И только через 5 лет удалось **организационно** восстановить международный рабочий штаб, когда со старых башень царского —ныне революционного—Кремля по всему миру пронесся снова пламенный призыв к пролетариям всех стран—соединяться,—призыв, ответом на который был топот идущих на приступ пролетарских батальонов и создание III Коммунистического Интернационала (в марте 1919 года).

Из богатого идейного наследия II Интернационала многое пришлось выбросить окончательно за борт, но кое-что осталось. К последнему принадлежит важное место установления празднования единой международной демонстрации первого мая каждого года, как дня солидарности интересов мирового пролетариата и требования 8-мичасового рабочего дня, который в революционной интерпретации (толковании) партии русского пролетариата превратился в dies irae (день гнева), день подготовки свержения ненавистного царизма и буржуазии.

Резолюция 1-го конгресса II Интернационала, установившая этот праздник, гласит:

„Назначается великая международная манифестация в раз навсегда установленное число, таким образом, чтобы разом во всех странах и во всех городах в один установленный день, трудящиеся пред‘явили общественным властям требование ограничения законом рабочего дня до восьми часов, а также выполнения всех других постановлений международного конгресса в Париже.

„Так как подобная манифестация уже назначена на 1 мая Американской Федерацией Труда на конгрессе этой Федерации в Сан-Луи в

декабре 1888 г., то это же число принято и для международной манифестации.

„Трудящиеся различных наций организуют эту манифестацию так, как это им будет подсказано условиями их страны“.

Со следующего 1890-го года по всем странам, где имелся пролетариат, многотысячные толпы выходили на улицу, выполняя призыв Интернационала. „В майской манифестации,—писал в 1890 г. Г. В. Плеханов в издававшемся заграницей „Социалдемократе“, — приняли участие тем или другим способом работники всех цивилизованных стран до маленькой земледельческой Норвегии включительно“.

Русский пролетариат оказался на высоте положения. Последние строки резолюции определенно учитывали тяжелые условия, в которых приходилось ему проводить этот день и поэтому не связывали его обязательным требованием на счет **формы** празднования. Больше даже того; конгресс в 1891 г. (в Брюсселе), принимая резолюцию о Первом Мае, прибавляет: „Рекомендуется прекращение работ там, **где это выполнимо** (подчеркнуто нами. А. Р.). Рабочие России, однако, не воспользовались этими оговорками. С запада на восток по всей каторжной тюрьме, именуемой империей Романовых, пронеслось бурное веяние революционного празднования. Какие только усилия не делал царизм, чтоб заглушить первомайское движение! тюрьма, ссылки, расстрелы демонстраций, бесчисленные аресты, даже организация еврейских погромов, все было пущено в ход в жалкой надежде, что старушку-историю можно, если не попросить, то огнем и железом заставить топтаться на одном месте.

Результаты—на лицо. Русская Социалистическая Революция была неизбежным следствием всего хода экономического и политического развития страны, но та железная, несокрушимая мощь, которую она, раздетая и голодная, выявила перед лицом всего империалистического мира,—она была порождением той четвертивековой борьбы, которую пришлось носителям этой революции вынести. Так „тяжкий млат“ царизма выковывал революционный „булат“ пролетариата. Снаряды победы творились на улéцах царской России, покрытых кровью и трупами, чтобы, пройдя через горнило Октября, разорваться на полях победоносных битв Красной Армии. Здесь прощупывается тесная

связь прошлого рабочего движения с его настоящим и будущим. Вот почему с особенным вниманием обращается наша мысль назад, к истокам того движения, которое окрашивает в свои цветы целую историческую эпоху, имя которому—**Коммунистическая Революция.**

I.

История Первого Мая в России чрезвычайно тесно связана с историей рабочего движения. Первое Мая было только тем узловым пунктом, в котором выявлялся наружу ход борьбы рабочего класса. По тому, как прошел этот день, можно было судить о массовом рабочем движении за целый год. Даже царское правительство отмечало, правда, своеобразно, с 1890 г., его значение по сравнению со всеми другими: максимальное количество обысков и арестов падало именно на 1 мая, которому пришлось только с 9 января 1905 года и 4 апреля 1912 года (все старого стиля) разделить это лестное внимание с днями годовщины „Кровавого воскресенья“ и Ленского расстрела. Мы не задаемся, однако, целью дать очерк истории рабочего движения, наша цель более скромная: дать только историю Первого Мая, вполне естественно связывая в изложении этот праздник со всеми остальными фактами борьбы русского пролетариата.

Празднование Первого Мая началось в России не одновременно во всех ее частях и, кроме того, там, где отмечали этот день, не сразу ему придали тот вид, который им был получен позднее. История празднования Первого Мая обладает, таким образом, движением в две стороны: во 1-х, **расширением;** а во 2-х, **углублением;** с одной стороны нам надо будет проследить захват первомайским празднованием новых масс пролетариата, а другой—развитие лозунгов этого движения. Нужно, однако, заранее оговориться, что первомайские выступления, отражая общий ход русского рабочего движения, имело вместе с ним и периоды под‘ема и периоды упадка и, таким образом, вовсе не представляет собой беспрерывно подымающейся линии. Но каждое изменение в этом смысле имело свои причины, которые, мы и постараемся отметить.

Когда в 1889 году Парижский конгресс принимал резолюцию о Первом Мае, русское рабочее движение было еще развито слабо. Правда, оно уже имело в своем прошлом и настоящем заграничную группу „Освобождение Труда“, героическую попытку образования самостоятельной организации рабочего класса—„Северный союз русских рабочих“ в 1879—1880 г.г., связанный с именами слесаря Виктора Обнорского и столяра Степана Халтурина, Благоевскую группу, созданную в 1884 г. и целый ряд кружков по различным городам. Но все эти группы и кружки были только провозвестниками того громадного массового революционного рабочего движения, которое знаменует собой девяностые годы и переходит в XX-ое столетие. Особенный размах оно получает только после 91 года.

Впервые в России Первое Мая ознаменовалось Варшавской забастовкой 1890 года. Не было случайностью, что польская часть империи Романовых откликнулась ранее всех на призыв Интернационала. Конец XIX века совпал вообще с чрезвычайно быстрым ростом русской промышленности и, следовательно, пролетариата, но в Польше этот процесс отличался особенной остротой [1]). Количественный рост пролетариата и концентрация его на громадных предприятиях создавали предпосылки для активной борьбы рабочих. Причем нужно отметить, что условия самодержавного режима превращали каждый шаг рабочих, направленный к улучшению их жизни, в акт политической борьбы. Единый фронт капиталистов с дворянско-полицейским самодержавием затруднял, конечно, борьбу рабочего класса, но зато отчетливо ставил перед ним вопрос о том, что экономическая борьба—ничто, если она не связана с борьбой политической.

[1]) Вот некоторые характерные цыфры: во всей польской промышленности

1871 г.	1880	1890
76.616	120.763	ок. 150.000

В текстильной, наиболее быстро развивающейся, такая картина:

	число рабочих	число предприятий
1871	28.046	11.227
1880	45.753	10.871
1890	60.288	625

Увеличение числа рабочих за 20 лет на 215 %, а уменьшение числа предприятий до 5,5 %. Концентрация производства колоссальная. (Р. Люксембург. Промышл. развитие Польши, стр. 22).

Как мы уже указывали, Варшава первой вступила на путь празднования Первого Мая. Вот как описывают это событие:

„Уже за несколько недель до Первого Мая по фабрикам и мастерским рабочие начали поговаривать о необходимости присоединения к международному празднеству. По мере приближения Первого Мая возрастало оживление среди рабочих, они с интересом следили за всеми газетными известиями об агитации в пользу восьмичасового дня на Западе. Революционное общество „Пролетариат“ напечатало и распространило в нескольких тысячах экземпляров прокламацию, в которой приглашало рабочих достойно отпраздновать день первого мая. На фабриках начались совещания, толки, сговор. Рабочие сочувственно говорили о „четверге“. Наступило Первое Мая. В железнодорожных механических мастерских не работало 5-ое и 7-ое отделение (ок. 400 раб.). Фабрики Handke (200-300 раб.), Repphan (300 раб.), Orthvein (200 раб.), Gastinsky и другие стояли. На фабриках Norblein, Praget, Putzer, Lilpop и др. не работала часть работников. Кроме того не работало много ремесленников. Энергичнее всего себя показали рабочие из Mechanicznych Warsztatów: видя, что их остальные товарищи продолжают работать, они собрались перед зданием фабрики и потребовали, чтобы те немедленно бросили работу; в окна фабрики полетели даже камни; явилась полиция, были произведены аресты. Что касается интеллигенции, то она горячо помогла рабочим, доказательством чего служат аресты из ее среды. Общее число арестов простирается до 20, в том числе 10 рабочих. Против своего обыкновения полиция вела себя сдержанно: патрулей не было никаких; зато шпионы появились в изобилии. [1]).

Всего не работало Первого Мая около десяти тысяч человек,—цыфра, которую нужно признать по тогдашнему времени очень большой. Впечатление, произведенное первомайским выступлением, было, конечно, весьма велико. Десятитысячная пролетарская армия громко заявила о том, что рабочий класс существует и выставляет свои требования. Это было об‘явлением войны всем эксплоататорам и вызвало как радость друзей, так и страх врагов.

[1]) Цит. по Акимову—Махновцу.

Было издано к этому дню три прокламации: на польском языке в Варшаве социалистической организацией „Пролетариат“, ею же на еврейском языке в Лодзи, а также русская прокламация в Петербурге. Хотя в подлинности этой последней имеются сомнения[1]), вероятнее, что она действительно является плодом деятельности какого-нибудь рабочего кружка. Ввиду крупного интереса **первой** майской прокламации в Петербурге, привожу ее с соблюдением орфографии подлинника:

К народу! 1-го Мая.

„Напрасно русское правительство надсмехается над русским народомъ, порабощая его налогами, штрафами, уничтоженіем человеческих правъ, ограниченіемъ земельныхъ наделовъ, сословностью, поощреніем работодателей понижать заработную плату рабочаго, и всем тем, что носитъ название деспотизма. Все это проделывается для того, чтобы. народъ нашъ не выходилъ изъ пределовъ крѣпостного права—хотя не оффицiально. Но придетъ время, когда русскій народ проснется от вѣкового сна, тряхнетъ русскимъ могучимъ кулакомъ и сокрушитъ всю эту разбойничью банду, называемую наивными людьми правительством. А послѣднѣе десятилетіе настолько двинуло вперед сознание русскаго пролетариата (крестьянина и рабочего), что въ недалекомъ будущемъ смѣемъ надеяться и на свое Первое Мая. Однако будем же благоразумны, подождем того времени, когда в нашей корпорации будетъ достаточное число членовъ, чтобы начать серьезные действия.

„Эта первая прокламация „перв. русск. рабоч. антиправительств. дружины“, написанная и напечатанная, при очень стеснительных обстоятельствахъ, въ одну ночь. Членовъ въ которой, въ настоящее время около 800 чел.

„Итак до скорого свиданія, братцы! „РАБОЧІИ“.

Варшавская прокламация касалась не только требования восьмичасового рабочего дня, а также—и даже главным образом—того, что

[1]) С. Валк. Материалы к истории празднования первого мая. Красная летопись, № 4.

рабочему классу необходимо сговориться для свержения ига капиталистов и царя. Прокламация призывала к борьбе всех рабочих. „Стыдно тем,—заканчивалась она,—которые замедлят протянуть руку для общего братского пожатия рабочих всего мира. Выступайте дружно! Смело, братья, все разом!“.

„Товарищи! Повсюду раздается клик рабочих, пробуждающихся для празднования первого мая“—начинается третья прокламация (по немецки). Это будет торжество, где перед общей целью борющегося народа, должны исчезнуть различия всех наций, где рабочие, в виду бледнеющего врага, должны подать друг другу руки. Их лозунг: восьмичасовый день“.

II.

Следующий, 1891 год ознаменовался двумя крупными событиями: Петербургской „маевкой“ и Жирардовскими избиениями.

В Петербурге, как мы уже упоминали, в прошлом году была выпущена только прокламация, да и то сомнительного характера. В настоящем году, наоборот, с громадным успехом прошла „маевка“, на которой произнесли речи четыре петербургских пролетария: Н. Д. Богданов, Вл. Прошин, Диннер и Ег. Афанасьев. Замечательные речи, позднее отпечатанные отдельной брошюркой, показывают высокую степень развития питерских рабочих. Конечно, это были не рядовые рабочие, в их речах ясно чувствуется социал-демократическое влияние, но это как раз и ценно и показывает успехи революционного движения.

Необходимо, однако, отметить, что ораторы слишком большое значение придавали **знанию, а не активной борьбе,** как будто бы одно распространение культурности среди рабочих уже приведет к победе.

В ближайшее воскресенье после первого мая организованные рабочие сошлись за городом на тайное собрание. Присутствовало от 100 до 200 человек. Первым говорил **Н. Богданов:**

„Мы твердо должны надеяться на нашу победу. Нам стоит только вооружить себя сильным оружием,—а это оружие есть знание исторических законов развития человечества,—нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага. Никакие его притес-

нения и высылки на родину, заточение нас в тюрьмы и даже ссылки в Сибирь не отнимут от нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы, всюду будем передавать свои знания: на родине—своим крестьянам, а в тюрьмах будем об'яснять арестантам, что они тоже люди и имеют все человеческие права, чтобы они, сознавши эти права, передали свое знание другим и организовали их в группы. В этом залог нашего успеха!".

„... На нас,—говорил другой (**Вл. Прошин**),—как на наиболее развитых рабочих, лежит обязанность выяснить рабочим причины, по которым они находятся в таком скверном положении, и указать выход из него".

„К чести нашей, я могу сказать, что мы, действительно, сознали свои обязанности и, несмотря на все препятствия и угрозы нашего подлого правительства, мы стараемся по мере своих сил и способностей развивать окружающих нас рабочих".

Указывая на то, что страдания пролетариата „происходят от существующего экономического строя" и что для улучшения его (пролетариата. А. Р.) положения необходимо стремиться к замене этого строя, „дающего широкий простор для произвольной кулаческой эксплоатации, на более лучший и справедливый социалистический строй", третий говоривший, **Диннер**, развил целую систему социал-демократических требований (конституция, милиция, свобода печати, собраний и т. д.). Но для достижения этого рабочим надо вырасти в силу. Следовательно, „в настоящее время нам остается только возможность заняться развитием и организацией рабочих, которой, надеюсь, мы и воспользуемся, несмотря ни на какие препятствия и угрозы нашего правительства".

„А для того, чтобы наша деятельность была как можно плодотворнее, нам необходимо как можно более стараться умственно и нравственно развить себя и других и более энергично действовать для того, чтобы окружающие нас люди смотрели на нас, как на людей умных, честных и смелых и потому с большим доверием относились бы к нам и ставили бы нас в пример себе и другим".

„Братья!—сказал **Афанасьев**—хорошо, что мы тоже начинаем пробуждаться от векового нашего сна под гнетом барского, поповского и царского рабства, и это уже есть часть, внесенная русскими работниками в общий прогресс. Да, вед, товарищи, сразу ничего не делается в мире, а все совершается по определенным законам природы.

„Нам будет не легко улучшить свое положение под разгулом деспотической реакции, которая будет нас преследовать на каждом шагу. Товарищи! Трудно нам будет, но наука освободила западных рабочих, она поможет и нам просветить умы наши, да и наполнит души наши светлой истиной любви друг к другу! Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу. Будем учиться об'единяться сами и, товарищи, будем организовываться в сильную партию! Будем, братья, — так заканчивает свою речь Афанасьев, — сеять это великое семя с восхода до захода солнца во всех уголках нашей Русской земли".

Этим, однако, не ограничились. Вечером на квартире удалось собрать еще собрание рабочих, человек 60—70. Из опасения полицейского визита произнесена была только одна речь указанным выше Н. Д. Богдановым, встреченная с большим воодушевлением; присутствовали, кроме мужчин, и ряд работниц.

Перед Первым Мая неизвестной группой была издана прокламация.

Если первая „маевка" состоялась в Петербурге, то первое кровопролитие в этот день произошло в Жирардове. Последний открыл собой длинный список кровавых жертв первомайской борьбы, подвергавшихся самому яростному нападению царизма.

Подготовлено все было так великолепно, что весь город был буквально засыпан прокламациями, местными и варшавскими. Вначале бросили работу только постоянные рабочие, потом и пришлые крестьянские элементы. Большинство, не желая ограничиваться стачкой—демонстрацией, решило превратить ее в борьбу за повышение заработной платы. „Рабочие,—пишет один автор,—собираются группами и спокойно обсуждают течение забастовки; но власти не могут спокойно смотреть на это и отдают приказ разогнать нагайками и холодным оружием. Рабочие отвечают на это градом камней и выстрелами из револьверов. Только теперь начинается кровавая расправа. Раздаются выстрелы, несколько рабочих падают их жертвами, многие

оставляют поле битвы с тяжелыми ранами. Рабочие тоже не остаются пассивными; они убивают городового и солдата и ранят нескольких солдат. Вслед за тем в Жирардов приезжает варшавский губернатор Медем, и под его руководством начинается дикая оргия. Кого бы из рабочих не схватили, виновного или невинного, его подвергают телесному наказанию. Не щадили даже женщин: варвары схватили на рынке какую-то женщину и публично ее наказали". Другой автор добавляет: „Начальство устроило свой главный штаб на торговой площади. Казаки, которых напоила водкой фабричная администрация, хватали каждого прохожего и вели его на площадь, где начальство моментально чинило суд над ними, и одних задерживало под арестом, других выпускало. Однако, этих последних большей частью предварительно били публично нагайками... Арестованных надо считать не десятками, а сотнями. Все фабричные склады и подвалы заполнены людьми. Многих, правда, выпустили, но каждый должен был предварительно пройти сквоз строй казаков, выстроенных двумя шеренгами, которые били проходящих нагайками. Последний накидывал на голову блузу и старался бегом пробежать. Били так, что лилась кровь. Не один прошел два и три раза эту баню, так как, прежде чем успевал дойти до дому, казаки его вторично арестовывали. В течение четырех дней людей так мучили, что многие из них падали в обморок и заболевали падучей... Многих из арестованных вывезли в Скорневицы и Лович. В общем вывезли до 300 семейств. Некоторые сидели в Скорневицах по полугоду и по целому году, после чего их высылали на места приписки и на житье в деревнях от 1 года до 3 лет" [1]).

Первая рабочая кровь покрыла первомайский суровый праздник. Но царское правительство, видимо, считало, что лиха беда—начало, так как позже кровопролитие вошло в систему. Вздымавшиеся волны пролетарского движения оно стремилось покрыть еще большими волнами крови. Однако, чем дальше, тем больше идея Первого Мая захватывает массы: рабочее движение твердо становится на ноги.

„Союзом польских рабочих" и польской социалистической организацией „Пролетариат" каждой были выпущены брошюры: первым—

[1]) Цитирую по С. Валку. Указ. соч., 260—261.

„Праздник 1 мая", второй—„1 мая, международный праздник", обе содержащие и политические требования; кроме того „Пролетариатом" была переиздана брошюра Г. В. Плеханова, вышедшая ранее заграницей „Международный праздник рабочих 1 мая 1890 года", посвященный описанию празднования этого дня в 1890 году и его значению вообще, а также „Выбор поэзии для рабочих" с революционными песнями и стихотворениями.

За два дня до 1 мая „Пролетариат" выпустил прокламацию.

Кроме Жирардова в Польше можно отметить Варшаву и Лодзь.

В самое 1 мая в Варшаве бастовало по разным сведениям от 8 до 20.000 человек. Там и здесь кучки рабочих, живо обсуждавших первомайскую забастовку, мобилизованная полиция и войска загоняли на фабрики. Арестовывали на улицах, что происходило и на следующий день.

Точная цифра бастовавших в Лодзи не установлена, но во всяком случае не мала, если принять во внимание, что стояла фабрика Познанского, насчитывавшая одна три тысячи человек. На этой же фабрике произошло избиение рабочих нагайками.

III.

В 1892 году празднование Первого Мая захватило новые слои рабочих; к русским и польским присоединились еврейские; Вильна стала средоточием их движения.

На Виленской „маевке" были произнесены речи [1]), указывающие на то, что почва революционного движения и здесь глубоко вспахана. Все они были проникнуты героическим пафосом, сокрушить который ничто не могло. Правда, нужно отметить при всем этом опять таки известный налет пассивности. „Такой человек (речь шла о революционере. А. Р.), говорил один из них,—выступает всегда совершенно открыто, свободно говорит правду, ни страшась ни тюрьмы, ни крепости, ни Сибири, ни рудников, ни заряженных ружей, ни даже самой смерти. Раз мы оделись в панцырь человечности и в броню совести,—они могут, сколько им угодно, греметь из пушек, осыпать нас гра-

[1]) Позднее изданы отдельной брошюрой: „Первое Мая 1892 г. Четыре речи еврейским рабочих", Женева, 1893 г.

дом пуль: мы будем стоять несокрушимой стеной, о которую разобьются ядра, сломаются мечи и служители ада утомятся, наконец, тиранить нас"!

И еще: „Разве подлые буржуи своими телесными глазами могут остановить ход небесных светил? Нет! А они мечтают убить душу, смешные богатыри! Дух хотят они заковать в цепи! Один луч света рассеет самый густой мрак!... Такие люди, как Желябов, останутся до конца первыми героями на страницах русской истории,— это записано не чернилами, а кровью их сердец".

В Варшаве дело ограничилось также загородними „маевками", на которых присутствовало несколько сот человек. Другое произошло в Лодзи. Здесь в 1892 году празднование приняло широкие размеры. Уже заранее было постановлено широкое распространение агитационной литературы, и в конце апреля происходили мелкие столкновения. День 1 мая, однако, прошел без каких либо событий, но уже на другой день начались забастовки. 3 мая стал целый ряд крупнейших предприятий и, таким образом, забастовка выросла, пока 5 мая не бросили работу грузчики, мелкие ремесленники, мастерские и склады железной дороги. Забастовка становилась всеобщей. На одном из крупных предприятий, на фабрике Познанского, рабочие, получив заработок, отказались (около 3000 человек) работать вследствие произведенного на них давления забастовавших ранее товарищей, но между рабочими произошло столкновение, вмешались полиция и казаки, несколько человек было ранено. Этим дело не ограничилось.

Полиция пробовала, видимо, новый метод борьбы: был инсценирован еврейский погром, начавшийся 5-го и закончившийся на следующий день. Участники погрома—преимущественно подростки до 19 лет и балутские поселенцы (Балуты—место поселения, отбывших наказание преступников). В этих беспорядках была потоплена забастовка, впрочем, если не сказать, что потоплена она была в рабочей крови. Заодно с подавлением беспорядков, ими же созданными, власти расправились с рабочими. Несколько десятков было убито. Кроме того „захвачено было 348 человек выдающихся участников беспорядков, из коих передано в распоряжение судебного следователя 202 человека, освобождено 99 и подвергнуто административному взысканию 47 человек, в том числе 39 наказано телесно". Нет сомнения, что подавляющее большинство из них было рабочими.

Отклик лодзинская расправа получила громадный: широкими кругами распространялась весть о лодзинских событиях, неся вместе с собой жгучую ненависть к существующему строю. Правда, соответственные общественные условия как раз этих годов с особенной яркостью дали возможность проявиться действию сведений об убийстве и заключении в тюрьму рабочих. Годы 1891—92 были годами знаменитого „всероссийского разорения", нанесшего сильный удар по прогнившей монархии Романовых. Система мстила за себя: плохие климатические условия этих годов при крайне низкой технике крестьянского сельского хозяйства, всецело обусловливаемой беспощадной эксплоатацией, помещичьей и государственной, а отчасти и буржуазной, с роковой необходимостью приводила крестьянина к страшнейшему голоду. Но в тесной связи с экономическим положением деревни находилась наша городская промышленность, в особенности те ее отрасли, которые работали непосредственно на деревню (главным образом, текстильная, произв. с.-х. орудий и т. д.). Емкость внутреннего рынка для русской промышленности резко сократилась и, как следствие этого, началось свертывание самой промышленности, промышленный кризис. Но всякий промышленный кризис обладает той чертой, что от него больше всего страдают рабочие. Массовые увольнения, сбавки расценок, повышение рабочего дня без одновременного повышения заработннй платы и соответствующий всему этому рост обнищаний и голодовки, глубоко всколыхнули пролетарские массы, жадно откликавшиеся на все проявления борьбы с двойным угнетением, политическим и экономическим, тесно между собой связанными, как это неоднократно демонстрировалось царской жандармерией. На этом фоне, события, подобные лодзинским, понятно, должны были сыграть большую роль.

Петербургские кружки откликнулись на известия о Лодзи „Открытым письмом к польским рабочим", которое начинается так:

„ДРУЗЬЯ и БРАТЬЯ"!

„С биением сердца, мы, ваши товарищи с далекой Невы, из этой столицы мрака, рабства и угнетения, из этого логовища царя-деспота,

страшного врага всего того, что добро, правда, прогресс, того царя, который вместе с барами, попами и полицией сотни лет держал нас в рабстве, который вот уже сто лет сдерживает прогресс вашей бедной родины, и освободил вас от ваших панов только затем, чтобы отдать вас в руки капиталистов и фабрикантов, по требованию которых высылают против вас целые полки солдат и казаков, из этой столицы царя-изверга шлем вам, братья польские рабочие Лодзи и других городов, свой горячий от глубины души привет и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим строем".

Сама Петербургская „маевка" была сперва полусорвана. Как сообщает участник ее, В. В. Святловский, „было избрано для этого (т. е. „маевки". А. Р.) совершенно другое место (нежели в прошлом, 1891 г. А. Р.). После поисков в течение трех воскресений остановились на месте, казавшемся очень подходящим, а именно на конце, так называемой, Батарейной дороги, на Крестовском острове у самого берега моря. За это место говорила возможность как подхода к ней пешком, так и доступа при помощи лодки. И вот, 24-го мая, старого стиля, т. е. опять в Троицын день, мы все двинулись к этому месту, кто пешком, кто на лодке.

„Ехали очень весело, оживленно рассчитывая, как скоро могли бы возрасти наши кружки и группы, если бы полиция не препятствовала. Выходя на Невку, мы увидели еще несколько лодок, ехавших в одном с нашими направлении; мы молча переглянулись с товарищами на других лодках. Все были одеты по-праздничному, а интеллигенты переоделись в рабочие костюмы...

„Нас собралось на лужайке свыше 150 человек. Подождали еще, но многие, как говорят, не явились. Какие говорили речи, я не помню... но помню, что раздавались печатные, по всей вероятности, заграничные листки и карикатуры. Карикатуры аллегорически изображали различных зверей, львов, тигров, слонов в коронах, а над ними имелись соответствующие надписи.

„Наше праздненство, которому придавали простонародный вид несколько взятых с собой гармоний, а также и угощение в виде хлеба, колбасы, пива, разложенных на лужайке, было в самом разгаре, когда неожиданно появился лесной сторож владельца Крестовского

острова, князя Белосельского-Белозерского. Худощавый старик, типа преданных верных слуг, опираясь на ружье, резко потребовал от нас под угрозой полиции немедленного удаления. Несмотря ни на какие попытки дружественных переговоров, он стоял на своем и, в конце— концов, добился один против 150 человек, чтобы мы разошлись.

„День был солнечный, ясный, настроение только что разрасталось, и было очень грустно покидать красивое и удобное место. Но делать было нечего. Страх перед полицией был так велик, захват же самых ценных работников представлял собой большую опасность для всего дела, и мы подчинились необходимости. Очень опечаленные, ехали мы обратно в лодке, стараясь говорить на совершенно другие темы"[1]).

Через некоторое время, 28 июня, все же за Волковым кладбищем удалось собрать снова „маевку", где присутствовало до 200 человек. Было произнесено восемь речей, в которых ораторы указывали на успешную борьбу, которую вели рабочие на Западе и делали вывод, что это происходит потому, что там рабочие организованы, а организованы они в силу уже завоеванной свободы (политической. А. Р.), и, стало быть, и нам надобно завоевать свободу, а для этого надобно **организовываться в рабочую партию** (курсив наш. А. Р.)[2]).

Последствия эта „маевка" имела самые печальные: полиция выследила и арестовала много видных работников, принимавших участие в ней, чем обескровила организацию.

Есть некоторые указания, правда весьма осторожные, на то, что в этом году состоялось празднование Первого Мая и в Туле. Отсутствие всяких подробностей, однако, ставит под сомнение все указания в этом направлении.

IV.

1893 год, как и следующий 1894, ознаменовались некоторым упадком первомайского движения. О праздновании этого дня в Петербурге (в 1893, 94 и 95 г.г.) нет никаких сведений, как сообщает Аки-

[1]) В. В. Светловский. На заре Российской социал-демократии, „Былое", 1922, № 19,

[2]) В. Карелина. На заре рабочего движения в Петербурге, Красная Летопись, 1922, № 4.

мов-Махновец, мною уже цитированный и делающий отсюда вывод, что там вообще не проводились „маевки“ в эти годы.

Что касается Польши, то „Первое Мая 1893 года нельзя назвать удачным. Бросили работу каменьщики да рабочие кожевенного производства. Крупные заводы и фабрики работали, так как под давлением полиции явились почти все рабочие; зато фабрики с малым количеством рабочих почти все приостановили работу. Работу бросило в общем 7—8 тысяч. В других фабричных центрах Царства Польского Первое Мая прошло почти незамеченным“ [1]).

Состоялась „маевка“ в Вильне (400 человек), а также впервые праздновали этот день латышские рабочие. „В 1893 году 12 сознательных рабочих, представителей рабочих кружков разных фабрик, отпраздновали первое мая под открытым небом за Либавским озером“ [2]).

О следующем годе совершенно не имеется сведений, весьма вероятно из-за отсутствия празднования. Хотя нужно отметить, что в 1894 году в Киеве состоялась тайная „маевка“ Первого Мая. Присутствовало на нем немногим более 20 человек, почти все рабочие (преимущественно, железнодорожники). Речей произнести не удалось, так как на „маевку“ пришел один подозрительный рабочий; пришлось ограничится беседой о празднике, тостами и песнями [3]). Возможно, что значительную роль в этом играл начинавшийся под‘ем промышленности, который **уже** уничтожил действие причин, будирующих рабочие массы в связи с кризисом, а **еще** не проявился в под‘еме активности этих же масс в связи, наоборот, с промышленным преуспеванием, особенно резко сказавшимся начиная с 1895 года.

V.

Срединой девяностых годов начинается громадное развитие рабочего движения. Русская промышленность оправляется от удара, нанесенного ей в начале этого десятилетия. Сбыт, а, следовательно, и

[1]) Очерки по истории социалистич. движения в Русской Польше. Цит. по А.—Махновцу.

[2]) „Первое мая 1902 года“. Изд. С.-Д. организации „Жизнь“. Цит. по А.—Махновцу.

[3]) Б. Эйдельман. К истории возникновения Российской соц.-дем. рабочей партии, ст. 1. журнал „Пролетарская Революция“, № 1.

производство товаров все увеличивалось, фабрики и заводы пускались полным ходом. Рабочий класс, почувствовав твердую почву под ногами, проявляет большую энергию. Начинается эпоха могучих стачек (напр. 30.000 стачка летом 96 года в Питере), ожесточенной экономической борьбой за повышение заработной платы, меньшую продолжительность рабочего дня, отмены штрафов и т. п., с одной стороны, и оформление социал-демократического движения,—с другой. В разных городах образовываются „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса“—в 1895 году Петербургский с В. И. Лениным во главе, в следующем году—Московский, наконец в 1897—Екатеринославский, Харьковский и Киевский. В результате стихийной потребности в об‘единенном руководстве борьбой, 1—3 марта (старого стиля) 1898 года в Минске на с‘езде пяти указанных „Союзов борьбы“, „Бунда“, и киевской группы „Рабочей газеты“ провозглашается создание „Российской социал-демократической Рабочей Партии“.

На этом фоне развертывается первомайское движение.

В 1895 году впервые принимает участие Москва. Готовились к этому дню заранее; выпустили три прокламации, которые распространялись на заводах и фабриках. Сама „маевка“, продолжавшаяся весь день, происходила 30 апреля на ст. Перово под Москвой, куда прибыло около 250 человек, представителей трех десятков предприятий. Ораторы выступали с речами по поводу насущных вопросов рабочего дела: о необходимости политической борьбы, о нужде в организованности, о борьбе за 8-ми часовой день, отмечались успехи рабочего движения в Москве. Была принята резолюция с указанием, что надо „немедленно приступить к самой широкой массовой организации и завести прочные связи с другими городами [1]). „Маевка“ проведенная с громадным под‘емом, закончилась пением революционных песен.

На другой день участники „маевки“ передавали собравшимся на гуляниях рабочим сведения о ней и раздавали первомайские листки. Впечатление, произведенное первомайской сходкой было необычайно

[1]) Мицкевич. Очерки истории Московской Парт. Организации в сб... „На заре рабочего движения“.

велико: в рабочих кругах шло оживленное обсуждение по поводу вопросов, поднятых на ней, иными словами, „маевка“ заставила рабочую массу обдумать все, связанное с тогдашним движением. Следующий рассказ великолепно иллюстрирует сказанное:

„Один старик рабочий из мастерских Московско-Курской ж. д., вернувшись с праздника, созвал у себя соседей и всю свою многочисленную семью, велел одному из своих внуков прочесть листок — сам он был неграмотный—а затем со слезами на глазах стал сравнивать этот листок с манифестом 19 февраля (1861 года). Когда царь дал волю крестьянам, но та воля только называлась волей. Ничего мы не получили: землю нашу отняли, а сами мы из крепостных помещика стали крепостными хозяина. Вот сегодня нас зовут самих воевать за волю, и она будет уже покрепче той; сами мы добудем ее. Я хорошо помню, как читали нам царский манифест. Порадовались мы тогда—не понимали; только такой радости, как сегодня, я не упомню. Великое дело, когда понимаешь, что тебе делать нужно, чего добиваться. А мы сегодня все поняли. Наше это дело, будем стойко бороться. Пусть каждый, кто понял, скажет всем... пояснит, и другие поймут. Наше кровное это дело“ [1]).

Состоялись первомайские собрания также в Вильне, Минске, Сморгоне и Варшаве. В Вильне присутствовало до пятисот человек, причем на следующий день организовали повторно, для агитаторов,— около сорока человек.

VI.

Под‘ем рабочего движения вылился в 1896 году в длинный ряд стачек в Петербурге, в том числе знаменитая летняя стачка. Роль творческого начала в создании могучего стачечного под‘ема многие участники последнего приписывали выходу в свет первомайских социал-демократических прокламаций. „Это был,—писал один из работавших в этот период в Питере,—скромный листок, отпечатанный на мимеографе в количестве 3000 экземпляров. С величайшими трудностями, но нам удалось распространить его на всех фабриках и заводах Петербурга, и мы торжествовали. А когда через месяц после этого

[1]) Лядов. История Российской Социал-демократической рабочей партии, ч. I.

вспыхнула знаменитая стачка 1896 г., рабочие говорили нам, что первым толчком к их об‘единению был наш маленький листок“ [1]).

Конечно, общие условия пролетарской борьбы подготовили уже ту почву, на которой достаточно было громкого голоса социал-демократических организаций, чтобы выросло грандиозное столкновение, но необходимо подчеркнуть громадное влияние, которое оказывала сознательная социал-демократия своими воззваниями, в частности первомайскими как на ход, так и на самое возникновение массового движения.

Сама прокламация рисует противоречия, существующие при капиталистической системе, где рабочий создает все богатства, а пользуется только крохами. „Мы работаем много, мы создали несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы, проводим железные дороги. Все богатства мира созданы нашими руками, добыты нашим потом и кровью. По справедливости мы должны были жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уже во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но наша заработная плата едва хватает на то, чтобы существовать“.

Заканчивается прокламация бодрыми нотами уверенности в грядущей победе: „Товарищи! Если мы будем действовать дружно и единодушно, то недалеко то время, когда мы, сомкнувшись в тесные ряды, будем в состоянии открыто присоединиться к этой (раньше речь шла о борьбе рабочих Запада. А. Р.) общей борьбе всех рабочих всех стран без различия веры и племени против капиталистов всего мира. И поднимется наша мускулистая рука, падут позорные цепи неволи, поднимется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и всех врагов рабочего класса“.

В Москве из-за усиленной деятельности охранки по случаю коронования Николая II нельзя было ознаменовать этот день. В Нижнем-Новгороде были выпущены прокламации, а в Саратове организована „маевка“.

В Польше состоялись первомайские забастовки в Варшаве, Домброве, Кельцах, Лодзи, Люблине, Пабианицах, Радоме и Ченстохове,

[1]) З. Волжанский, „Волна“, № 6. 1 мая 1906 г. Цит. по А.—Махновцу.

при чем в Варшаве удалось выпустить брошюру, специально посвященную Первому Мая.

Белостокские работники выпустили прокламацию, в Минске и Вильне состоялись сходки за городом. „Мы боремся—алели знамена—за свободу стачек, собраний, слова и печати“.

В разных городах распространялись листки, выпущенные заграничной группой „Освобождения Труда“, написанные стоящим во главе группы Г. В. Плехановым.

VII.

В следующем (1897) году после трехлетнего перерыва, снова празднует этот день крупный южный центр — Киев. Под влиянием агитации словом и прокламациями, изданными накануне киевским „Союзом Борьбы“, 530 железнодорожников бросили работу и отправились частью по домам, а частью за город, где беседовали о своих делах. Этот как будто незначительный успех, однако, положил основу дальнейшему быстро развивавшемуся движению.

Прокламация гласила следующее:

„Товарищи[1]), завтра по заграничному календарю первое мая, завтра миллионы рабочих всего света будут праздновать великий майский праздник рабочих. „Завтра, вероятно, не одна тысяча русских рабочих будет праздновать этот день“. „Присоединимся же и мы, киевские рабочие, ко всемирному рабочему празднику первого мая. Отпразднуем и мы, чем можем, этот великий день. Пусть каждый из нас забудет свои частные, мелкие дела и проникнется мыслью, что он член общей рабочей семьи, борец за общее, великое рабочее дело. Пусть скорее наступит то счастливое время, когда в день первого мая мы открыто и смело выступим на улицу, развернем рабочее знамя и громко воскликнем: Да здравствует первое мая — всемирный праздник рабочих! Да здравствует борьба за свободу и счастье!“

Выпущенная в Питере майская прокламация 1897 года великолепно выражает идею первомайского праздника, как она уже отчетливо выявилась в русском рабочем движении. Вот отрывки из этой прокламации:

[1]) Как и раньше, за неимением невышедшего еще сборника первомайских прокламаций, цитирую по А.—Маховцу неполный и — главное — **им выбранный** текст.

„Это не такой листок, товарищи, о которых говорят нам в церквах попы, это не праздник смирения, покорности и молитвы; **это праздник борьбы, который рано или поздно станет праздником победы**“ [1]). „Ежегодно перед первым маем проникаются трепетом наши враги, начиная от мелких фабрикантов и кончая могущественными . . . . [2]). Они сознают, что их господству скоро конец, они чувствуют, что ежегодные праздники первого мая—словно смотры и маневры рабочих батальонов; это удары топора, подрубающего сук, на котором они сидят, это стук молотка, заколачивающего крышку их гроба“.

В Польше, Литве и Белоруссии были выпущены польские и еврейские прокламации и устроены собрания, на которых присутствовало от 200 до 300 человек на каждом. В Вильне благодаря неорганизованности не удалось создать демонстрацию: никем не руководимые в этот день рабочие, обладавшие большим революционным под‘емом, вышли на улицы и собрались в городском саду. Такое громадное стечение рабочих, да еще в день 1-го мая, естественно, создали повышенное праздничное настроение, но, конечно, заменить настоящую демонстрацию эта „молчаливая демонстрация“ не могла.

По приему прошлых лет распространялись группой „Освобождения Труда“ листки с требованием восьмичасового рабочего дня, свободы слова и печати, свободы стачек и союзов.

VIII.

Как было уже упомянуто, 1—3 (старого стиля) 1898 года состоялся в Минске первый с‘езд Росс. С.-Д. Раб. Партии. Центральный Комитет, избранный на с‘езде, вместе с подавляющим большинством участников с‘езда, почти в полном составе был арестован. Поэтому петроградской группой „Стариков“ (В. И. Ленин и др.) была выпущена от имени Ц. К. первая общепартийная прокламация, перепечатанная и распространенная по всей стране. Как реальное проявление единства пролетарской борьбы по всей империи Романовых, а также самим

[1]) Подчеркнуто мной.

[2]) Здесь, как и в некоторых других местах, которые мне пришлось брать из журнала „Былое“ презрительный эпитет правящей клики царской цензурой был выброшен.

своим содержанием, она сыграла значительную роль. Начинается она указанием, что „сегодня рабочие всего мира“ „выставляют требования восьмичасового рабочего дня“, и „в то время, как заграницей рабочие приветствуют Первое Мая в торжественном шествии с песнями и знаменами, свободно и громко заявляют о своих требованиях, мы русские рабочие, вынуждены тайком устраивать свои собрания, рискуя при этом своей свободой и безопасностью“. Дальше говорится о преимуществе для рабочих свободного политического строя и необходимости вести политическую борьбу. Заканчивается она рядом требований, выставляемых партией: „Свобода стачек, слова, печати, собраний и союзов; свобода совести и вероисповедений; равноправие всех национальностей“ и т. д., а также требованием „созыва парламента, куда народ будет посылать своих выборных людей путем общего, тайного, прямого и равного для всех выбора“.

Там же в Петербурге местный „Союз Борьбы“ выпустил свою прокламацию: „Не так давно,—начинается она,—праздник Первого Мая был для нас мало приятен, но теперь каждый из нас знает какой это праздник“. Первое Мая—это праздник борьбы, „медленной, тяжелой и упорной“. Это—праздник борьбы и против хозяев, и против их защитника, царского правительства, которое своими преследованиями только сильней зарождает в наших сердцах жажду свободы, жажду низвергнуть с себя постылое иго гнетущей нужды и бесправия“. „Пусть великий день Первого Мая будет для всех нас сигналом, призывающим к об‘единению и борьбе“. „Будем добиваться сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, права стачек, права об‘единяться в союзы, устраивать кассы, собрания, свободы слова и свободы политической“.

В ряде городов, кроме Петербурга, не ограничивались прокламациями Центр. Комитета, а выпускали также и местные.

В Харькове впервые удалось сорганизовать в разных пунктах несколько загородных „маевок“, на которых присутствовало по 4—5 десятков человек. Иваново-Вознесенск, Кострома, Екатеринослав, Полтава, Одесса, Тифлис, Киев,—все они в том или ином виде праздновали этот день: кто прокламациями, кто „маевками“ за городом.

В Польше П. П. С. выпустила воззвание на польском и еврейском языках. Демонстрации произошли только в Варшаве и Сосновицах. В варшавской участвовало до 2 тысяч рабочих, прошедших с красными знаменами и революционными песнями по Уяздовским Аллеям—улице аристократии и высшей буржуазии.

В районе деятельности Бунда (Литва, Белоруссия, Польша), им кроме 2-х брошюр, „О Первом Мае“ и „Сон под Первое Мая“, распространено было более 10.000 листков на разговорном еврейском языке: в Вильне, Минске, Гродне, Витебске, Белостоке, Варшаве, Лодзи и двенадцати местечках.

Распространялась в этом году по всей России брошюра группы „Освоб. Труда“ „Сказка—правда“ „Сон под Первое Мая“ [1]).

„Так ширилось,—замечает Акимов-Махновец,—наше великое дело, постепенно охватывая всю Россию. Майский праздник уже был важным явлением в общественной жизни и правительство уже с ним считалось, разумеется, по своему: арестами и репрессиями. Прежде в революционной среде ждали арестов к Рождеству и Пасхе; теперь стали ждать к Первому Мая. К этому дню в 1898 году было произведено в России, по подсчету „Рабочего Дела“, до тысячи арестов“ [2]).

IX.

Несмотря на то, что прокламации к 1-му мая 1899 года выпускались отдельно областными комитетами, по содержанию они в общем совпадали, так как об этом заранее сговорились. Основная мысль состояла в том же, что и раньше, в необходимости вести одновременно экономическую и политическую борьбу, причем оттенялась невозможность успехов в первой без проведения в жизнь политических требований. „Наши западно-европейские товарищи,—гласит петербургская прокламация,—при помощи стачек и союзов добились десяти, девяти и даже восьмичасового рабочего дня и хотя отчасти участвуют в управлении страной. Теперь на своем знамени Первого Мая они выставляют как свое ближайшее насущное требование—восьмичасовый рабочий день и всеобщее избирательное право; и время, когда они добьются своего, уже не далеко. Мы, рабочие России, идем по тому же пути“. Московская прокламация также посвящает много вни-

---

[1]) „Сон под Первое Мая“ написан Е. Кусковой, в изд. гр. „Освоб. Труда“ вышла впервые в этом (1898 г.) с предисловием Г. Плеханова.

[2]) А.-Махновец, указ. соч.

мания политической борьбе. говоря, что „нам приходится добиваться того, что в других странах давно завоевано рабочими, как их законное право". „Там, в Европе, рабочие успели уже добиться политических прав и хотя отчасти руководят судьбами своей страны, мы же живем как рабы". Заканчивается она возгласом—„Да здравствует социал-демократическое рабочее движение в России! Да здравствует международная социал-демократия!".

В Киеве праздновали Первое Мая небольшими кружками; только на одном заводе снялось пятьдесят человек, собравшихся за железной дорогой на массовку. Два, открытых полицией, собрания были арестованы (ок. 80 человек). Прокламации, изданные в количестве 10.000 экз., распространялись не только в Киеве и губернии, но и в соседних губерниях. В Фастове, Полтаве и Черкассах состоялись собрания.

Хорошо было поставлено дело распространения прокламаций в Харькове. Кроме них в ограниченном количестве также по заводам шла, имевшая большой успех, картина, приложение к заграничному „Рабочему Делу"[1])—рабочий со знаменем пришел в кузницу и призывает товарищей бросить работу.

В Одессе на собрании присутствовало 60 рабочих. В Екатеринославе на собрание пришло 100 человек; выпустили 3 тысячи листовок, разбросанных по городу и окрестностям. Экземпляры, попавшие в Криворожский район, вызвали волнения на Донецком чугуно-плавильном заводе, для подавления которого вызывались войска.

В Тифлисе по примеру прошлых лет „маевка" проводилась в ущельях. Саратовцы отгектографировали и распространили воззвания.

1899 год ввел в первомайское движение еще один крупный центр—Ростов на Дону. Выпущенные здесь первомайские прокламации распространялись также в соседнем Донецком Бассейне и других прилегающих местностях. Успех их был несомненен. В Мариуполе, в частности, „хотя они немного опоздали со своими требованиями сок-

[1]) „Рабочее Дело"—орган „экономистов", течения в среде тогдашней социал-демократии, стремящегося к тому, чтобы рабочий класс вел **только** экономическую борьбу, оставляя борьбу политическую буржуазии, иными словами, стремящегося превратить пролетариат в **придаток** буржуазного движения, идейные отцы меньшевизма.

ращения рабочего времени до 10 часового времени, так как таковой рабочий день уже введен на одном из здешних заводов, а на другом работают 10½, они всетаки не прошли совершенно бесследно. В ночь на Первое Мая весь Мартеновский цех на старом заводе бросил работу, требуя прибавки. Их, хотя и с трудом, упросили проработать ночь, чтобы хоть выпустить металл из печей; зато на воротах вывесили об'явление, что Мартеновские рабочие имеют право праздновать Первое Мая" („Вперед").

Варшавские рабочие, несмотря на ожесточенное сопротивление полиции провели опять на Уяздовских Аллеях демонстрацию. Тоже удалось сделать и в Домброве—рабочем центре, где 2 тысячи углекопов в течение полутора часа расхаживали с пением революционных песен.

Латышские рабочие праздновали Первое Мая два раза, и по старому и по новому стилю, связав его с своими непосредственными экономическими требованиями. Здесь, как и в некоторых других пунктах, первомайская идея решительной борьбы было потускнела под влиянием распространенного тогда „экономизма". Громадная забастовка вылилась в результате, однако, в 20-ти тысячную демонстрацию.

Бунд, кроме 12 тысяч обычных майских прокламаций, выпустил еще специальный номер своего гл. органа „Рабочий Голос" в количестве 3000 экз. В Вильне удалось в этом году провести демонстрацию с числом участников в тысячу человек; с поднятыми красными флагами была пропета марсельеза и возглашены лозунги: Долой самодержавие! Да здравствует, политическая свобода!

Описание первомайской борьбы в 1899 году было бы неполно, если бы мы не остановились на событиях, имевших себе место в Николаеве. Здесь, по лодзинскому примеру 1892 года, полиция инсценировала еврейский погром, втянув в него несознательные городские низы. В соответствии со своей специальной целью, она озаботилась, чтобы начало погрома пало на 1-е мая (нового стиля, когда ожидала выступления рабочих), не дав тем самым возможности провести первомайскую демонстрацию. Расчет оказался безупречным. Черная сотня торжествовала. Но надолго ли?

X.

Петербургские работники в 1900 году выпустили две прокламации с пятитысячным тиражем. Одна из них говорила: „что ни делают . . . . . и жандармы, министры и шпионы, наше дело идет вперед; тихо, неслышно растет могучая сила и настанет день нашего Первого Мая Мы развернем наши знамена, на которых будут блестеть при весеннем солнце наши требования: долой самодержавие! да здравствует свобода! право составлять союзы и собрания! право думать и верить, как хочешь! Восемь часов работы! Да здравствует победа правды и рабочего класса"!

Кроме Петербурга были выпущены прокламации в следующих городах: Москва, Киев, Харьков, Ростов н-Д., Екатеринослав, Одесса; причем в Екатеринославе их выпуск привел к провалу социал-демократической организации: в Одессе и Киеве удалось провести сходки.

Харьковские рабочие попытались даже устроить первомайскую демонстрацию, первую в коренной России.

„Утром железнодорожные рабочие пред'явили свои требования; тотчас явились казаки, но рабочие все же вышли толпой из мастерских и двинулись процессией, направляясь в другой конец города для встречи с паровозостроительными рабочими. У мостика, ведущего в город, полиция загородила им дорогу; шествие двинулось в обход; при этом были остановлены работы на гончарном заводе Беренгейма; появились казаки и после нескольких стычек выхватили из толпы и арестовали около 400 человек. Между тем на паровозостроительном заводе забастовало механическое отделение; узнав о движении железнодорожников, забастовщики, вошли в сборную мастерскую и там остановили работу; к ним присоединились рабочие кузнечного и литейного цеха, а также модельной мастерской; толпа вышла на улицу и направилась к Бельгийскому заводу и заводу земледельческих орудий Гельферих-Саде. Из красных рубах сделали знамена и запели революционные песни. В узком переулке на демонстрантов напали казаки и, уведя в казармы около 200 человек, разогнали толпу. Всего до 10000 человек приняли участие в этой демонстрации".

Тифлисские рабочие опять таки праздновали за городом этот день.

В Польше в ряде городов состоялись выступления рабочих на улицах. Так в Варшаве 20.000 толпа прошла с красными знаменами

и пением песен по городу; она была, в конце концов, разогнана полицией. Тоже прошло в Домброве, с той только разницей, что здесь полиция не осмелилась напасть на демонстрирующих. Лодзинским товарищам, хотя не удалось выступить открыто, зато за городом состоялась массовка (300 человек) и по городу разбрасывались прокламации.

В Вильне (1000), в Креславках (300) и Минске происходили демонстрации; в других городах, как Двинск и Гродно, были устроены тайные собрания. Витебск отметил этот день почти всеобщей забастовкой; в сходках участвовали рабочие и окружных местечек.

XI.

1901 год был годом широчайшего распространения празднования Первого Мая. Несмотря на все правительственные меры, в том числе свыше шестисот арестов и во много раз большее число обысков. стихийное движение рабочих масс, руководимое социал-демократией прорвало все преграды.

Наиболее крупные размеры приняли события в Петербурге и Тифлисе. Первомайское движение в этих важных центрах входит в стадию открытых выступлений—демонстраций против ига капитала и самодержавия. Пролетарская кровь иачинает литься Первого Мая рекой, прибавляя потоки к той, которая проливалась за время от мая до мая.

События этого года в Петербурге превосходят все до сих пор бывшие, противопоставив лицом к лицу обе борющиеся стороны и начиная ту схватку, которая закончилась революцией 1905—6 г.г.

Как сообщает „Искра", „первого мая (по ст. стилю) забастовали рабочие Выборгской стороны (как говорят на всех фабриках). 4-го мая рабочие нескольких фабрик направились в город с целью устроить демонстрацию. У Самсониевского моста им загородила дорогу конная и пешая полиция. Рабочие пустили в ход ножи и камни. Бой длился несколько часов. В результате, как нам пишут, до 70 человек ранено с обоих сторон, есть и убитые; несколько сот человек арестовано" [1]).

События на Обуховском казенном заводе с десятитысячным рабочим составом оказались более крупными и в сильнейшей степени повлияли на революцинизирование рабочих масс по всей России.

[1]) „Искра", 1901 г. № 17.

Произошло „Обуховское дело“ так. В этом году удалось с'агитировать 1500 рабочих, чтобы они не выходили на работу 1-го мая. Помощник начальника завода, подполковник Иванов, не имея возможности наказать всех, уволил 10 человек, казавшихса ему зачинщиками. Однако, он не учел пролетарской солидарности. Товарищи уволенные, бросив работу, пред'явили требования обратного их приема, а также введения 8-мичасового рабочего дня и еще некоторые другие. Прекратив работу, они в числе нескольких тысяч направились к выходу на Шлиссельбургский тракт, но столкнулись с заранее подготовленными царскими опричниками, потребовавшими, чтобы рабочие разошлись. „В ответ полетели камни,—сообщает корреспондент „Рабочего Дела“, произошла ожесточенная схватка, послышался стук шашек, удары нагаек, стон и крики; летели отовсюду камни, лошади бросались в сторону, некоторых городовых и жандармов рабочие стаскивали с лошадей, многие сами соскакивали, чтобы укрыться от камней за лошадьми. Жандармы были смяты и начали отступать в тупой переулок. Полициймейстер Полибин распорядился стрелять; Иванов также отдал приказ (постоянно находящимся при заводе А. Р.) матросам стрелять. Раздалось несколько залпов: несколько человек упало. Лишь только раздаются залпы, как рабочие выбегают из-за заборов и переулков и пускают целый дождь камней“. Залпов произвели десятка три. „Было прямо нечто ужасное: выстрелы, стоны, крики, убитые, раненые, мостовая, залитая кровью“.

При помощи прибывших крупных подкреплений, царским войскам, однако, удалось победить рабочих, вынужденных отступить и скрываться. Началась расправа. „Офицеры отдали солдатам приказ втыкать штыки в постели и в каждое подозрительное место, куда только можно было спрятаться. Хватали без разбора женщин, детей, девушек, больных, 60-летних стариков. Всех арестованных стащили на предназначенную нарочно для этого барку и потом отправили в город“.

Рабочие других заводов (Путиловский, напр.) пытались с иного конца города придти на помощь обуховцам, но в ряде стычек полиции удалось их задержать силой.

Осуждено на каторгу и в тюрьму по „Обуховскому делу“ двадцать девять человек (несколько человек было оправдано). „Правительство мстило,—говорила прокламация Петерб. К-та С.-Д. партии,—борцам. Каторга им за то, что они осмелились добиваться лучшей доли! Каторга им, тюрьма, арестанские роты за то, что дерзнули они открытой грудью своей встретить пули и шашки солдат!“

Тифлисские рабочие впервые решили в этом году устроить демонстрацию 1-го мая. Несмотря на то, что заранее извещенные царские сатрапы наводнили город вооруженный силой и приняли все меры к воспрепятствованию проведения празднования—оно удалось. Напуганные власти запрещали останавливаться на улице даже **трем** человекам. Несмотря на это, в ближайшее воскресенье после 1-го мая (22 апреля, праздновали по заграничному 1-му мая) на площади собралась толпа в три тысячи человек, которые, „смешанные с солдатами, полицейскими, жандармами и мирными продавцами и покупателями, возбужденно ждали сигнала, красного знамени. Величественно и грозно поднялось оно над головами толпы, четко и ясно провозглашая политическую свободу, восьмичасовый рабочий день и призыв: рабочие всех стран—соединяйтесь! Какая торжественная минута! Рабочие, сняв шапки, отдали земной поклон знамени, а затем раздался дружный возглас: Да здравствует политическая свобода! Впервые кавказские вершины за сто лет услышали требование свободы и седой Казбек повторил: Свобода! [1])“.

Казачьи своры быстро разогнали невооруженных демонстрантов. Сорок человек было ареставано, причем 24 демонстранта получили те или иные ранения.

В Варшаве в демонстрации, организованной социалистическими партиями, участвовало до 15.000 рабочих; в Лодзи, где ограничились только загородней сходкой, пришло 30.000.

Вообще не было ни одного города или местечка, где не отразилось празднование Первого Мая. Во всех крупных центрах происходили „маевки“, мирные сходки или демонстрации: Петербург, Харьков, Киев, Ростов, Тифлис, Варшава, Вильна, Лодзь, Ковна, Сморгонь, Витебск, Двинск, Белосток, Рига, Либава, Митава, Одесса, Керчь. Симферополь...

[1]) „Из Тифлисского рабочего движения“. Тип. „Искры“, Женева, 1902.

Не считая местных прокламаций, весьма многочисленных, заграницей и в России было издано общероссийских прокламаций и другой литературы 65 тысяч экземпляров, в том числе 40 тысяч общероссийской прокламации с требованием 8-мичасового рабочего дня, политической свободы и призывом к борьбе за это путем стачек и демонстраций и брошюры с десятитысячным тиражем, посвященной майскому празднику.

XII.

В 1902 году снова была издана общепартийная прокламация. Под влиянием все более ясной нужды в едином организованном руководстве, фактически не установленном первым с'ездом Р. С.-Д. Р. П. из за ареста Центрального Комитета, партийные организации собрали в марте 1902 года общероссийскую конференцию, на которой было принято постановление о созыве II с'езда партии, а также—о выпуске первомайской прокламации. В ней чувствуется боевой тон: „Покажем же, — говорилось там,— всем желающим свободы, что мы готовы добывать ее с боем, что мы намерены бороться за нее до последней капли крови. „Помните, что от числа участников зависит успех демонстрации. Сотни лиц разгонит полиция, с тысячами справится вооруженная сила, но против десятков тысяч бессильно царское воинство". „Самодержавие идет к своей гибели, близок час расплаты за все его вековые грехи против народа, против России". „Да здравствует,— заканчивается прокламация,—Российская Социалдемократия! Да здравствует восьмичасовый рабочий день! Да здравствует политическая свобода! Долой самодержавие!"

В революционных газетах того времени имеются описания первомайских торжеств в следующих 36 городах: Баку, Батум, Бердичев, Варшава, Вильна, Витебск, Гомель, Двинск, Екатеринослав, Иркутск, Канск, Киев, Кишинев, Ковно, Красноярск, Кременчуг, Лодзь, Минск, Могилев, Москва, Нижний-Новгород, Новозыбков, Одесса, Пермь, Петербург, Прилуки, Рига, Ростов на Дону, Сормово, Тифлис, Томск, Харьков, Чита, Янов, Ялта... Конечно, список этот не полон.

Все больше начинает в коренной России прививаться метод демонстраций, который с прошлого года превращается во все более обычное оружие борьбы и мобилизации масс. Так, в Саратове около

80 человек устроили демонстрацию. Подняли на базаре красные знамена с революционными лозунгами и одно черное — „Балмашов [1]) казнен, вечная память герою". Несмотря на усилия полиции, пытавшейся путем драк, затеваемых переодетыми шпионами, сорвать празднество, удалось пройти минут 20. Один очевидец пишет по этому поводу: „Зрелище было эффектное. Издали вся толпа представляла одно импозантное целое, густую массу народа, над головами которого плавно колыхалось черное и красные знамена".

Все арестованные по этому делу были, конечно, как водилось, после комедии суда, сосланы на поселение.

Очень многолюдная демонстрация удалась в Сормове. Несмотря на заранее приготовленные войска, стычек не произошло: полиция, видимо, не решалась создавать еще больших волнений. Сам ход демонстрации был таков: „Огромная толпа демонстрантов направилась по большой дороге от Сормовского завода и шла все время с пением революционных песен; когда же она на своем пути поравнялась с войсками, то, пройдя мимо всего строя оторопевших солдат, стройно и тихо повернула и пошла обратно, а затем, дойдя до завода, разошлась по домам. Только один рабочий — знаменосец не хотел уходить домой и остался до тех пор, пока его не окружили и не арестовали" [2]).

Подобная демонстрация, правда, всего с тридцатью участниками, произошла и в соседнем Нижнем-Новгороде.

В остальных городах ограничивались по преимуществу широким распространением прокламаций, забастовками и загородными сходками.

Крупные собрания, однако, произошли в 1902 году в день Первого Мая в Вильне, уже издавна участвовавшей в этом праздновании. Город был переведен фактически на военное положение. Кроме полиции и жандармерии, мобилизованы были военные части. Приняты все меры к воспрепятствованию малейшего проявления революционного празднования, и все же оно удалось, хотя, может быть, не в той форме, которой было желательно организаторам.

---

[1]) Балмашев—убийца министра внутренних дел Сипягина.

[2]) „Последние Новости"—орган „Бунда", за 1902 год.

„В день Первого Мая, — пишет „Искра“, — с утра все дворники дежурили у ворот с дубинами в руках; в оживленных центрах на каждом перекрестке, кроме городовых, стояли околодочные надзиратели, весь город принял особый вид, каждый ходил, как бы озираясь. В 5 $^{1}/_{2}$ часов вечера Валь [1]), впереди полусотни казаков, выехал осмотреть „позиции“. В 7 часов стало собираться много народу; на Большой тротуары положительно запружены, на Немецкой улице все окна домов были раскрыты, балконы черны от стоявшей на них публики; около Малого театра выстроились казаки, а за ними пехота“.

„Три смельчака выскочили из еврейской улицы. Один из них с красным фонарем крикнул: долой самодержавие! Да здравствует свобода! В ту-же минуту он был сбит с ног и буквально истерзан. Из толпы стали выходить лица с красными фонарями; они были схвачены и избиты, а одного из них убили“.

„В то же время в Городском театре посыпались в публику прокламации и разноцветные бумажки с надписью: поздравляем народ с праздником Первого Мая. Валь был тоже в театре и к нему в ложу тоже попало несколько таких штучек. Раек был оцеплен, 35 человек арестовано“.

На другой день началась расправа. Недовольствуясь обычными методами наказания, правительство решило добавить новые: всех арестованных в присутствии Валя и других администраторов подвергли сечению розгами. Подобное издевательство повторилось в этом году в Минске, Екатеринославе и Воткинском заводе (Вятской губ.).

Царизм свирепел, предчувствуя грядущее еще более могучее сопротивление.

XIII.

Революционное движение вздымалось все выше и выше. Рост сознательности и негодования существующими порядками, беспощадное подавление всякой самодеятельности рабочих масс, создавали хорошую почву для первомайской агитации. С другой стороны и социал-демократия была сорганизована уже лучше, и во всех почти уголках России имелись либо группы, либо отдельные с.-д. Так что

[1]) Царский сатрап-губернатор.

первомайская деятельность социал-демократии, чрезвычайно активная вообще, послужила побудительным толчком к ряду забастовок и демонстраций в 1903 году.

Было распространено в этом году свыше 1.000,000 первомайских прокламаций, из них 300.000 Организационного Комитета. Прокламация эта, написаная сильным и образным языком, вероятно, производила большое впечатление на читающих ее, хотя нельзя не отметить недостаточное подчеркивание того, что Первое Мая—день борьбы.

„Как?—говорит она. И сегодня также, товарищи? Сегодня, в день Первого Мая, также стоите вы у станка, вы, живые слуги мертвых слуг хозяина, машин? И в этот день пришли вы, измученные люди, еще не отдохнув после вчерашнего трудового дня, после многих тяжелых трудовых дней! Пришли закаливать сталь для ружей, из которых в вас станут стрелять, отделывать колеса машин, которым будут служить ваши дети; пришли, чтобы и сегодня, как и во многие дни вашей жизни, работать для тех, кто гнетет и порабощает вас!“...

„И вот вы стоите за работой, бледные, вялые от полуголодной жизни, истомленные от непосильной работы. На улицу! На улицу зовем товарищи! Остановите вертящиеся колеса! Тушите огонь в печах! Давайте тревожный сигнальный гудок!“

„Но вы сурово склоняете свои лица над станками и уходите мыслями в работу и наполняете весенний воздух шумом хлопотливого труда. Уйдите, уйдите!“, говорите вы нам... „мы работаем, мы работаем! Оставьте нас, мы добываем себе хлеб. Уйдите! Оставьте нас!“.

„Нет, мы не уйдем от вас, товарищи!“.

Далее прокламация, указывая на предшествующую борьбу рабочего класса и на ту борьбу, которую ведет в этот день международный пролетариат, спрашивает: „И разве вы не чувствуете, как крепнут ваши силы от того, что за сотни и тысячи верст борются неведомые вам братья. Они родились под чужим небом, они говорят чужим вам языком, они живут по своим непохожим на ваши обычаям. Но они—рабочие. Они чувствуют, как и вы, тяготу своей жизни. И вот исчезают эти сотни и тысячи верст, как будто падают перегородки разных стран, и вы, рабочие всех стран, мыслите одни мысли, живете одним чувством, одним могучим криком требуете лучшей жизни!“.

„Сегодня наш рабочий праздник, праздник борьбы. Кто не выходит сегодня бороться, тот изменяет делу борьбы". „Каждая страна на перекличке выступает вперед и говорит: я здесь"! „И разве когда назовут имя России, она ответит молчанием?" „Так станем же в ряды! Потребуем вместе с другими 8-ми часового рабочего дня для рабочих всех стран. Потребуем политической свободы для нас. Долой самодержавие! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствуют рабочие депутаты будущего русского парламента! Да здравствует восьмичасовой рабочие день! Да здравствует майский праздник! На улицу, товарищи!"

Прокламации Петербургского Комитета и „Бунда" в числе прочих требований выставляют уже требования республики. Прокламация П. К. заканчивается лозунгом—„Да здравствует социализм!"

На фоне повысившейся активности и сознательности рабочего класса создается возможность ставить все точки над і, выставлять полную программу политических требований, в соответствии с той ближайшей главной задачей, которая стояла перед ним—свержения самодержавия. Заключительные слова Петербургской прокламации, начинающейся эпиграфом—„Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на врагов люд голодный"—таковы: „Русские рабочие! В день Первого Мая бросайте работу все сразу и покажите.... и его правительству, что то время уже не за горами, когда вы отомстите за все, и за убитых рабочих Ростова и Златоуста, и за растрелянных по...... приказу голодных крестьян, за многие тысячи убитых. Во имя погибших товарищей дайте себе в день Первого Мая клятву не успокоиться до тех пор, пока не сотрете с лица земли их убийц, пока не уничтожите проклятье вашей родины, самодержавие! Да здравствует народная республика! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует социализм"!

В самом Петербурге демонстрацию с.-д. Комитет решил не устраивать „так как—сообщает корреспондент „Искры"—было известно, что полиция приняла угрожающие меры, а между тем и настроение масс не обещало в этом году сколько-нибудь внушительной демонстрации, так что пошли бы одни организованные рабочие и, конечно, стали бы жертвами полиции". На предмайском собрании представители революционно настроенных обуховцев требовали, однако, демонстрации.

Несмотря на крупные провалы (за одну ночь взяты полицией три типографии с уже отпечатанными майскими прокламациями) удалось выпустить 16.000 листовок (своих и Орг. Комитета).

Бастовало в этот день несколько заводов, в том числе завод Вестингауза, Обуховский, Резиновая мануфактура, Фабрика механического производства обуви.

Любопытно отметить, что на зоводах и фабриках также распространялись прокламации „Независимой рабочей партии", Зубатовского [1]) детища. Вообще, рыцари полицейского „социализма" показали себя в этом году. В Минске ими был организован майский праздник, в Харькове они выпустили прокламацию, имевшую целью дискредитировать революционеров.

То новое, что можно указать в проведении майского праздника, отметилось уже в решении Петербургского Комитета: рабочие не хотели подставлять свои спины под удары казачьих нагаек, чувствовалось желание наметить иные пути; с другой стороны, партии пришлось боротьсч с тенденцией социалистов-революционеров, стремящихся превратить первомайские демонстрации в вооруженное восстание; мелкобуржуазный романтизм этой партии мог принести громадный вред рабочему движению: в условиях даже небывалой всеобщей стачки 1903 года на Юге России, нельзя было кидать лозунги вооруженного восстания в массы, еще так неорганизованные и которые, конечно, потерпели бы страшный разгром от мобилизовавшего все свои силы, покуда не полуразбитого неудачей русско-японской войны, царизма. Правильность этой позиции показали события следующих годов.

Нужно все таки отметить рост популярности идей Первого Мая среди русского пролетариата, равно как и рост числа мест, которые так или иначе отозвались на призыв.

В различных заграничных изданиях отмечается 63 пункта, принявших участие в празднестве Первого Мая. В ряде городов произошли демонстрации.

[1]) Зубатов — начальник Московской охранки. Пытался путем создания желтых рабочих организаций отвлечь пролетарские массы от революционной деятельности и превратить их в слуг самодержавия. Попытка его кончилась позорным крахом.

Изыскивая средства борьбы со все более расширяюшимися революционными празднованиями, правительство решило повторить в этом году лодзинский опыт 92 г. в расширенном масштабе, самодержавие бестыдно кинуло сотни трупов еврейских женщин, стариков и детей под ноги революционного движения, думая, что в этих трупах и крови запутаются и поскользнуться рабочие батальоны; оно действовало по методу „разделяй и властвуй", оно хотело противопоставить пролетарской волне — волну страха и отчаяния еврейских масс. Жалкая, как и все попытки царского правительства, она увенчалась небольшим и мимолетным успехом.

Жертвой был выбран Кишинев. Погром, продолжавшийся 2 дня, начался в воскресенье 6-го апреля, почти за две недели до первого мая (по заграничному, празднуемому в запад. губ., Польша и др.), с таким расчетом, чтобы во всех уголках можно было использовать его. В целом ряде городов полиция заявила, что в случае выступления в день первого мая, будет повторена Кишиневская история. В Киеве, уже назначенная демонстрация, была отменена по этим соображениям. В Одессе, „одна из главных причин, помешевшая празднованию первого мая, это—Кишиневские события. Администрация грозила превратить демонстрацию в погром". В Житомире „Кишиневская бойня всех ошеломила. Полиция усиленно распространяет слухи, что, если будет демонстрация, то произойдет погром" и т. д.

Не нужно, всётаки переоценивать этот фактор, играющий значительно меньшую роль, нежели можно предположить на основании указанного мной выше.

На окраинах все же демонстрации состоялись, в крупных городах Закавказья, в Варшаве и Томске.

В Варшаве были организованы две демонстрации, удачно прошедшие. Загородняя сходка, вылившаяся в демонстрацию в городе, состоялась также в Белостоке.

В Томске „решено было праздновать первое мая (18 апр.) демонстрацией и забастовкой". Всего участвовало в демонстрации до 5.000 человек, которые обращали полицию в бегство и осаждали участки, требуя выдачи арестованных товарищей. Вечером организовался импровизированный митинг, разогнанный в конце-концов

собранными войсками; 36 человек арестовали, двое оказались ранеными, и не менее десятка городовых и околодочных пострадали в свалке.

По постановлению закавказского комитета в Тифлисе, Батуме и Баку устроены были демонстрации. Подготовленная агитацией и распространением прокламаций, рабочая масса вышла на улицу с требованием политических свобод. На призыв к свержению самодержавия в Баку, напр., откликнулось до 10.000 человек, и „геройские" действия, желавшей выслужиться полиции, ничего не могли поделать, за исключением обычных арестов и административных ссылок.

XIV.

Рассматривая русское рабочее движение под углом зрения Первого Мая (да и вообще), можно сказать, что оно в этом, 1904 году, еще более, чем в прошлом, пружинилось. Те противоречия классовых интересов и сил, которые бурно выявились в революции 1905 года, уже отражались в головах картиной грядущего выступления и революционизировали таким образом массы.

Центральным Комитетом Р. С.-Д. Р. П. была издана листовка, которую привожу в выдержках:

„Привет вам, товарищи! Всему российскому пролетариату, всем борцам за наше великое социал-демократическое дело — привет и поздравление с наступлением нашего всемирного, нашего рабочего праздника.

Из рода в род, из века в век
Да чтится свято праздник майский!
То праздник братства и любви,
Свободы радостной и света,
Весны грядущей вестник чудный.

Дальше прокламация останавливается на русско-японской войне и указывает, что девизом — „Пролетарии всех стран, соединяйтесь"!, разрешают рабочие вопрос о границах. И далее: „За веком королей, фабрикантов, чиновников, попов наступит век свободных, равноправных людей — работников, граждан. За веком гнета, насилия, лжи, нищеты, муки и слез — светлое царство свободы, науки и счастья, пролетарский социализм"!

„От имени всего российского пролетариата—долой сомодержавие!

„Привет вам, товарищи! Да светит вам ясно майское солнце! Да здравствует российская, да здравствует международная социал-демократия!".

Демонстрации состоялись в Варшаве, Гомеле, Риге и Митаве.

„В Варшаве,—сообщает „Искра",— полиция очевидно, получила приказание во чтобы то ни стало не допустить демонстрацию. Полицейский надзор был усилен, число городовых—увеличено, по городу начали расхаживать массы сторожей, вооруженных дубинами, шнырять толпами шпионы. Все было напрасно. За несколько дней до 1 мая и за городом и в самом городе устраивались массовые агитационные собрания, на которых перебывало до 800 человек. Распространены были в тысячах экземпляров прокламации нашего „Главного Правления"; кроме того роздано несколько десятков тысяч карточек с призывом к демонстрации. Все это проделалось, несмотря на провал „техники", т.-е. типографии, при котором был оказан вооруженный отпор.

По примеру 1903 года не удалось сговориться с националистически настроенной П. П. С. и потому польская С.-Д. партия, „Бунд" и „Пролетариат" организовали свою демонстрацию. Собравшись на Маршалковской улице, демонстранты были атакованы жандармерией, отброшены и были вынуждены отойти в другое место, на Электоральную, где собралось до 500 рабочих, которые построились в ряды, а за ними на расстоянии нескольких шагов шла масса народу, и тут развернули три знамени —„Долой самодержавие! Да здравствует социализм! Да здравствует восьмичасовой рабочий день". С песней „Красное Знамя" демонстранты прошли всю Электоральную. Шествие продолжалось полчаса. На углу Белой улицы на демонстрантов набросились казаки и разогнали их. П. П. С. провела демонстрацию на Уяздовских Аллеях.

В Риге демонстрация прошла хуже. Накануне удалось распространить 2000 экз. „Пауки и мухи" (Либкхнехта) — агитационную брошюрку, а также 5000 прокламаций. Сама демонстрация была назначена на неделю ранее первого мая, в воскресенье 11-го. „К 11 часам утра около Павловской кирхи собралась толпа тысячи в четыре. Полиция сосредоточилась в ближайших переулках. Были подняты на ноги

войска, офицеров вытребовали в казармы в два часа ночи под воскресенье. Товарищи, очевидно, не хотели дать сражение в таких наблагоприятных условиях. Скомандовали собраться в другом месте около Гертрудинской кирхи. Но тут еще менее удобные условия". „Собравшиеся были раз'единены на четыре части, кое-где полиция провоцировала драку". Речей произнести не удалось.

Как явствует из „Искры"[1], в Митаве демонстрация была назначена на 12 часов дня. Ядро демонстрантов, человек 70, было вооружено палками и песком. Раздался призыв: „Товарищи, вперед! Отпразднуем первое мая в этом году демонстрацией" и т. д. Вся масса двинулась на Большую улицу. Раздались звуки рабочей Марсельезы и появилось красное знамя. Первые ряды демонстрантов подвергались почти немедленно нападению полиции, которая, однако была смята. Демонстрация продолжалась, но полиция прибывала, и наконец, „началась страшная бойня". „Настроение рабочих,—добавляет автор сообщения,—хорошее и можно сказать, что демонстрация достигла цели".

В Гомеле перед Первым Маа был устроен ряд собраний. На одном из них, 10 апреля, присутствовало 900 человек. „Громадная лощина была усеяна народом, сидевшим на земле; с возвышения было видно только море голов. Собрание длилось с 4 до 6½ часов вечера, и после этого всей толпой двинулись в город с революционными песнями". Самая демонстрация состоялась 8 мая, в субботу. С пением революционных песен и развернутым красным знаменем 700 рабочих прошли по улицам.

В Петербурге, „человек около 100 одного района отправились за город, в лес, где над ними развивалось красное знамя и несколько ораторов произносили речи. Майская прокламация Центрального Комитета прошла благополучно и также благополучно разошлась. В других районах также состоялось собрание человек по 30 и более, до 100" („Искра"). Местные прокламации, как пишет А.—Махновец, были в большом количестве захвачены полицией.

„Маевки" в этом году устраивались в Астрахани, Верхнеудинске, Гурии, Екатеринославе, Елизаветграде, Житомире, Иваново-Вознесен-

[1]) № 65.

ске, Иркутские, Либаве, Москве, Одессе, Перми, Ростове, Севастополе, Томске, Чернигове, Чите...

Что касается западных губерний, то имеются сведения о праздновании Первого Мая из шестидесяти городов и местечек. Распространено было свыше ста тысяч прокламаций и устроены тайные собрания, где произносились речи.

XV.

Празднование Первого Мая становилось повсеместным. Как замечает меньшевистский историк Первого Мая, Акимов—Махновец, он „должен был отказаться даже от самого перечня мест, где произошло празднование". Если в 1903 году мы отмечали 36, в 1904—63 населенных пункта, ознаменовавших Первое Мая, то теперь необходимо указать уже 126 городов и местечек!

1905 год—год революции. Могучий океан революционной пролетарской борьбы поднялся как никогда высоко, и дрогнули вековые твердыни самодержавия. Пролетариат наступал, пролетариат жаждал борьбы и социалдемократия (фракции большевиков) руководила этим движением. Но великие революции не делаются по заранее намеченному плану, в раз назначенные сроки. Партия призывала к борьбе, к необходимости готовиться к вооруженному восстанию, партия призывала к революции, но она ждала соответствующего под'ема рабочих масс. „Против вооруженной силы, — говорилось в прокламации „Бюро Комитетов Большинства"[1]), „ко всем рабочим и работницам России",—можно выступить только с оружием в руках; мы двинемся стройными рядами, с ружьями на плечах, с боевыми патронами, с разрывными бомбами. Но Первое Мая не может быть, конечно, днем всеобщего вооруженного восстания. Вооруженное восстание нельзя заранее назначать. Пойти Первого Мая на улицу было бы безумно: довольно уже наши спины полосовали нагайками и шашками; выйти же вооруженными—преждевременно

[1]) Так как Центр. Комитет, выбранный на II-ом с'езде в 1903 г. не выполнял постановл. с'езда и все более скатывался к проведению меньшевистской линии, летом 1904 г. было создано „Бюро Комитетов Большинства", подготовившее III с'езд в 1905 г. и руковод. до него большевистскими организациями.

но у вас есть способ ознаменовать международный праздник пролетариата: об'явить Первого Мая всеобщую забастовку".

Самодержавие поставило на ноги все свои силы, оно прекрасно понимало, что решается вопрос о его жизни и смерти. Там, где демонстрацию пытались устроить, царское правительство отвечало кровавой бойней. Революционное настроение требовало иного выхода, нежели подставление своих спин под удары царских приспешников. Но мощное дыхание наступившей революции резко сказывалось в прокламациях партии [1]): надо было звать, надо было организовывать массы. „Пусть Первое Мая этого года,—говорила следующая прокламация „Бюро Комитетов большинства",—будет для нас праздником народного восстания; давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на .... мы свергнем ...... и назначим временное революционное правительство; готовьтесь к великому бою; товарищи рабочие, останавливайте фабрики и заводы Первого Мая или беритесь за оружие сообразно с советом комитетов Российской Социалдемократической партии. Час восстания не пробил, но он уже близок!".

Приведем еще одну выдержку из майских прокламаций уже Центрального Комитета Партии, вновь избранного на III с'езде: „Мы не берем на себя невыполнимых организационных обязательств устроить вооруженную демонстрацию, но имеем по нашему плану в возможности и демонстрацию, и даже восстание". Они учитывали эту возможность, а также и те громадные результаты удачного восстания, которое должно было привести—и привело в октябре [2]) 1917 года!—к установлению „демократической диктатуры пролетариата и крестьянства" и которое послужило бы—так и случилось!—началом всемирной социалистической революции. Вот эти строки: „Первое мая—это суровый праздник борьбы пролетариата; вперед на последний бой и крикнув из глубины нашей рабской родины пролетариям всех стран: готовьтесь, братья, продолжать наше дело, пусть гибель ..... послужит для вас сигналом к решительной революционной атаке на буржуазию!"

[1]) Здесь, как и дальше, конечно, под партией подразумевается, большевистская фракция.

[2]) Точнее, привело к диктатуре пролетариата.

О самом праздновании имеются сведения свыше сотни мест, по большей части падающих на западные губернии. Наиболее крупные события разыгрались в Варшаве. „Что тут делалось,—писали „Последние Известия",—не поддается описанию; не было буквально ни одного работающего человека, не было ни извозчиков, ни трамваев, даже носильщики, мелкие разносчики отдыхали, дворники сняли свои бляхи. На улицах чувствовалось, что это был наш праздник, праздник пролетариата. Устроить демонстрацию, значило решиться на кровавую баню, решили поэтому отпраздновать генеральною стачкою. Но Польская Социалистическая Партия, не предупредив других, устроила шествие. Днем десяток тысяч людей с пением и знаменами прошли по Уяздовской Аллеи; выскочили казаки и без предупреждения дали ряд залпов. Убито 30 человек, ранено 100". („Посл. Известия", № 230 и сл.).

Вот как описывает „Искра" (№ 100 от 15 мая 1905 г.): „В минуту, когда безоружная толпа отступила к улице Железной, войско осыпало ее градом пуль. Стреляли без команды, одиночно. Трупы и раненые падали, загораживая дорогу бегущим. Паника все росла. Казаки давят лежащих, саблями рубят старцев, женщин, детей и раненых пулями.

„Часть демонстрантов, скрывшаяся в ближайших воротах, чтобы избежать смерти, пала жертвой рассвирепевшей солдатчины. Лежащих в воротах расстреливали, кололи штыками, рубили саблями. Крики бегущих, стоны раненых, предсмертные конвульсии умирающих, гул выстрелов, свист пуль наполняли воздух. Некоторые бежали через забор—стреляли за ними в забор, который пробивали пули, стреляли также через дервянные стены в дома".

Забастовки в мае широкой волной разлились по всей стране. В Самаре произошла всеобщая забастовка с воруженным столкновением с войсками; в Армавире—забастовка; в Екатеринодаре—демонстрация. Кубанский Комитет издал к первому мая 10 тысяч первомайских листков, 2 тысячи „Песен борьбы на 1 Мая 1905 г.", 4 тысячи прокламаций Центр. Комитета, кроме прокламаций, которые издавали местные группы. В Екатеринодаре было проведено кроме ряда первомайских собраний (по 50—100 человек), несколько массовок и демонстрация. В Новороссийске демонстрациям предшествовала

письменная и устная агитация (на заводах). Устроенная Первого Мая демонстрация собрала всего ок. 300 человек, зато на другой день собралось уже 2000, которые с пением революционных песен прошли по городу, останавливаясь для выслушивания речей. В Харькове состоялась массовка; в Юзове—сходка с числом присутствовавших около 100; в Двинске—забастовка (не всеобщая); в Лодзи—всеобщая стачка, причем в разных концах города устроены были грандиозные манифестации („Искра", № 100); в Пинске—всеобщая забастовка удалась как нельзя лучше; в Гродне—забастовка вышла действительно всеобщей и весьма удачной.

В Петербурге на улицу вышло всего около 3000 человек. Это об'ясняется уже указанным выше положением: массы находились в состоянии страшного напряжение, но быть избитым и израненным все более свирепеющей полицией никто не хотел. Надо было или выходить с оружием, следовательно, превращать демонстрацию в вооруженное восстание или совсем не выходить, — так ставился вопрос. Прокламация Петерб. К-та Партии отчетливо об этом говорит: „Первое Мая не может быть, конечно, днем вооруженного восстания. Вооруженное восстание нельзя назначить заранее. Мы поднимем оружие неожиданно для наших врагов, выбрав момент наибольшего под'ема народных масс и наибольшей растерянности правительства. Мирные демонстрации невозможны: они разгоняются у нас казаками и полицией. Довольно уж полосовали наши спины нагайками и шашками, мы не дадим превратить наш великий праздник в оргию царских опричников. Вооруженная демонстрация допустима только как начало вооруженного восстания, ибо правительство не отступит, конечно, перед нашим оружием, не исчерпав всех своих сил. Итак, товарищи, выйти Первого Мая на улицу безоружным было бы безумно; выйти вооруженным—преждевременно".

Нужно отметить, что Первому Мая в этом году приходилось проходить в полосе бесчисленных еврейских погромов, страшно мешавших празднованию.

XVI.

1906 год, как и следующий 1907, несмотря на обнаглевшую после декабрьского разгрома реакцию, был годом повсеместного

празднования Первого Мая. По всем уголкам России прокатилась грандиозная волна первомайских забастовок, приостановившая в этот день деятельность фабрик и заводов, еще и еще раз доказывающих неисчерпаемую мощь пролетариата. Вот сведения об этом дне в 1906 году:

„Всеобщая стачка была в Варшаве, Лодзи и других городах фабричного района Польши".

„В районе деятельности Бунда маевка была отпразднована достойным образом. В Ковне забастовали все фабрики, заводы, мастерские и типографии; удачно прошла забастовка в Двинске, в Вильне, Белостоке, Сморгони, Гомеле. В Минске же большинство работало". „В Риге, где существует федеративный Комитет латышской и еврейской социал-демократии, прошла забастовка на всех крупных фабриках, кроме Кузнецова".

„Почти полная забастовка прошла в Рязани, Киеве, Сумах, Владикавказе, Брянске, Полтаве, Пензе, Екатеринославе, Елизаветграде, Ростове, Костроме. В Казани не работали типографщики, в Туле — патронный завод и половина оружейного, в Одессе из 370 фабрик и заводов бастовало 140; в Севастополе 4000 портовых рабочих и каменщиков бастовали; 735 солдат и матросов Севастополя послали по поводу Первого Мая привет Международному Социалистическому Бюро".

„Менее удачно прошла забастовка в Тифлисе, Сызрани, Тихорецке, Твери, Рыбинске, Орле, Иванове. Причины неудачи—правительственный террор и черносотенная агитация".

„В Симбирске, Астрахани, Луганске, Бердянске, Новороссийске—магазины были закрыты. В Плоцке, Пензе, Волковышках, Оренбурге—отозвалось и крестьянство".

„В Саратове была демонстрация на лодках. В Вологде, Муроме и Царицыне произошли Первого Мая черносотенные погромы".

Особенно удачно прошло празднование в Петербурге, Москве и Варшаве.

„В Петербурге работавшие заводы представляли единичные исключения. В большинстве фабрик и заводов работа прекратилась. Общее число предприятий праздновавших Первое Мая в Петербурге

превышало 500 со 100 тысячами рабочих; в большинстве происходили митинги. Произошло также несколько демонстраций. В Московском районе около дома, населенного рабочими, известного под именем Порт-Артур, собралось около 200 человек; раздались мощные звуки Интернационала; выкинув красное знамя, рабочие пошли по улицам. В Выборгском районе по окончании собраний двинулись на Охту с песнями и знаменами. На Литейном проспекте толпа вышла с гильзового завода и направилась с пением и флагами, с надписями „амнистия" к дому предварительного заключения. В Васильеостровском районе почти на всех заводах рабочие приходили к воротам (заводов), а оттуда с пением и флагами шествовали по улицам. На 4-ой Рождественской образовалась толпа демонстрантов".

„В Москве забастовочное движение прошло менее дружно, чем в Петербурге; в целях предупреждений демонстраций генерал-губернатор отдал приказ, чтобы накануне вечером вся столица была оцеплена концентрическими кругами войск всех родов оружия. Стрелять приказано было боевыми патронами при малейшем намеке на беспорядок или демонстрацию. Несмотря на все эти грозные предостережения все же число забастовавших было велико; бастовали металлургические заводы, в которых насчитывается до 58 тысяч рабочих; бастовали все типографии, на окраинах происходили митинги; маевки происходили по селам, в Богородском, за Преображенской заставой, на Лосево-Погонном острове, на Воробьевых горах и других окрестностях Москвы" (сб. „Вопросы момента", статья Гейликмана).

О Варшаве одна из газет писала: „Это была громадная манифестация, в которой принимал участие весь город. Еще раз варшавский пролетариат показал всю глубину своей революционной энергии, еще раз он стал силою, которая покорила весь город... Значение этой революционной манифестации не может быть переоценено. С самого утра город как будто умер. Фабрики были закрыты; ни единого извозчика, ни единого трамвая; тишина царила повсюду, даже аптеки были закрыты; только оклики патрульных и шум движущейся кавалерии и пехоты слышался на улице; железнодорожные мастерские были закрыты; ни один тюк товара не был отправлен, ни выдан в этот день; приехавшие в этот день пассажиры должны были идти с вок-

зала пешком, таща свои вещи; за этой день никто не выезжал из города, вокзалы были пусты; в рабочих кварталах на телеграфных проволках были повешены красные флаги, и пожарные занимались сниманием их. У застав стояли патрули, не пропуская рабочих из предместий; к полудню полиция остановила всякое движение на улицах".

XVII.

1907 год прошел в значительной степени под флагом контр-революции. Разбитые рабочие массы отступали, и это отражалось, конечно, на праздновании Первого Мая, но все еще под'ем был настолько велик, что сотни тысяч принимали участие в нем. Царское правительство тщетно пыталось придушить первомайское движение, и где ему это удавалось в той или иной степени, там причина лежала в настроении самих рабочих.

Прежде всего нас, конечно, интересует Петербург, тот пролетарский Петербург, который снова охватил мертвой хваткой майской забастовки всю жизнь. В нем не работало 236 фабрик и заводов, с числом рабочих в 93.000, представляющих почти половину петербургского рабочего населения. Эта цыфра немногим меньше, нежели число бастующих в 1906 г.—100.000. В забастовке приняли участие также все типографии города, а на железных дорогах и мастерских работы производились или не полный день или частью рабочих. Несмотря на то, что не предполагалось устройство в этот день митингов, полиция приняла чрезвычайные меры: все рабочие районы и кварталы были буквально наводнены соединенными отрядами полиции, жандармов и солдат; всякие собрания рабочих прекращались немедленно „лихими" царскими кавалеристами. Рабочие уклонялись от столкновений, но тем не менее по дороге в Лесное произошла стычка: небольшая группа рабочих начали обороняться от наседавшей конной полиции; в результате перестрелки были раненые, как с той, так и с другой стороны.

Московская забастовка была почти всеобщей; за исключением небольшого числа фабрик и заводов стали все, а также почти все типографии. В Сокольниках произошло столкновение с полицией, пытавшейся разогнать первомайский митинг; со стороны рабочих несколько человек были ранены, кой-кого арестовали.

„Приблизительно то же происходило в других городах: в одних из них бастовала большая часть заводов и фабрик, в том числе в Одессе, Риге, Астрахани, Архангельске, Елизаветграде, Костроме, Либаве; в других городах, как напр. в Киеве, Харькове, Нижнем-Новгороде, были только частичные забастовки. В Двинске, Иваново-Вознесенске, Казани, Калуге, Туле и некоторых других городах работы вовсе не прекращались. Но и там, где были забастовки, большей частью все проходило спокойно, кроме случаев, когда полиция принималась разгонять мирные собрания и митинги. В Воронеже, Нижнем-Новгороде, Чернигове было произведено много арестов, так сказать, предупредительных". („Русская мысль", май 1907 г.).

XVIII.

Начинается мрачная эпоха в истории рабочего движения. Самодержавие торжествовало. Все завоевания революции уничтожены. Даже Государственная Дума, этот ублюдочный российский парламент, при помощи государственного переворота 3 июня 1907 года превращена в домашнее животное царизма. Разбитые рабочие массы охватываются унынием; многие разочаровываются в революционных идеалах, многие ударяются в личный террор, эсеровщину и анархизм. Интеллигенция отходит от рабочего движения, перекрашивается в прилично-буржуазные цвета и ищет тепленьких местечек. Другая ее часть, оставаясь в рабочем движении, ведет еще более вредную работу: взрывают его изнутри. Это „ликвидаторы", предлагавшие ликвидировать революционную организацию рабочего класса—партию, и заняться „легальной" деятельностью. Начинается борьба за партию, борьба против предательского „ликвидаторства", отдающего рабочий класс со связанными руками и ногами в руки его врагов.

Период с 1908 года почти по 1911 является временем наименьшей активности рабочих масс. Вполне естественно, что и в отношении Первого Мая это сказалось самым резким образом. Вот как характеризует эти годы прокламация 1912 года: „С поникшей головой встречали мы, рабочие России, наш первомайский праздник в последние четыре черных года. Не было радостных песен борьбы, не было ликующего красного знамени, не было забастовок, митингов, демон-

страций. Правительство душило. Фабриканты и заводчики отнимали все завоеванное в годы революции. В стране было всеобщее уныние. Лишь в последний год забрезжил первый луч света. Русский рабочий расправляет спину, он готовится снова к борьбе“ (Цит. по В. Колпенскому. 1 Мая в России, Архив истории труда, кн. 1).

В годы контр-революции почти не отмечался майский праздник. В Москве в 1909 году бастовало всего 3594 человека, в Питере в 1908 г. бастовали на некоторых предприятиях. В общем можно сказать, что Первое Мая совсем замерло в период контр-революции 1908—11 г.г., хотя в западных губерниях дело обстояло несколько лучше, особенно в последнем (1911) году, когда, напр., в Варшаве бастовали 20.000 рабочих.

XIX.

1912 год кладет резкую грань в русском рабочем движении. Период упадка прошел и сменился под'емом, заканчивающимся в 1914 г. определенно новой революцией, которая, однако, была отсрочена на 3 года наступившей войной. Ленский расстрел был резким толчком к выявлению активности. В ответ на Лену по всей России прокатились волны забастовок — протеста, в которых приняло участие до 300 тысяч рабочих. Этим определилось и проведение Первого Мая. Так в майских забастовках 1912 года число участников достигает полумиллиона [1]), в одном Петрограде бастует 250.000.

Майский листок „Правды“ [2]) широко распространяется по всей стране и рабочие с жадностью кидались на него. Приведу одно сообщение (из Оренбурга), которое является характерным в этом отношении: „Майский листок „Правды“ перепечатали в 200 экз. Листок произвел прекрасное впечатление на рабочих. **С большим энтузиазмом и прямо с восторгом его приняли** (курсив наш. А. Р.). Читали и передавали друг другу в руки“. „Наконец-то дождались мы долгожданного — говорили рабочие. Могут наших товарищей ссылать, сажать, вешать, но духа нашего не убьют“!

Чрезвычайно интересным является также характерный конец этого сообщения: „Первомайские настроения и под‘ем духа были прекрасные. Митингов не было **вследствие отсутствия ораторов** (курсив наш. А. Р.). Рабочие по своей инициативе собирались в лесах и беседовали о 1-ом мае, положении и т. д.“. Отсутствовали ораторы! Все истино революционные элементы сидели по тюрьмам, а громадная масса, работавшая в годы революции, превратилась в „легальную породу революционеров“, им то уже было не до тайных „маевок“.

В Петербурге еще до 1 мая были проведены 3 митинга, из которых один (на Кабельном заводе в Галерной гаване) закончился демонстрацией. Было распространено несколько тысяч разных прокламаций и газет.

В самый день Первого Мая, несмотря на дождь, улицы были залиты рабочими. Уже „с утра 1-го мая,—сообщает доклад градоначальника Драчевского председателю Совета Министров,—в столице начали прекращать работы рабочие фабрик, заводов мастерских и типографий—кроме правительственных—и к 12 часам дня число бастующих достигло до 100.000 человек (фактически бастовало **250.000.** А. Р.). Во дворах заводов: Путиловского, Нобеля, Невского, Судостроительного и на фабрике Паля и при выходе на улицу рабочие пытались петь революционные песни; а на Путиловском заводе один рабочий выкинул красный флаг, но демонстранты были разгоняемы подготовленными заранее нарядами полиции“.

С раннего утра началась борьба полиции с проникающими на Невский пр. рабочими, которые, будучи отброшены, снова и снова возвращались туда. Первая демонстрация состоялась на углу Невского и Екатериненского канала, где около сотни человек пели революционные песни. Разогнанные конной полицией, они собрались на углу Садовой ул. и Невского, где опять таки были рассеяны. Также ра-

---

[1]) Эта цыфра тем более покажется значительной, если мы сравним ее с числом бастовавших в предыдущие годы. Так **за целый год** участников стачек **всех видов**, и политических и экономических, было 1895—904 в среднем за год 43.000 человек,

чисто политических было в	1905	1.842.541
„ „	1906	650.633
„ „	1907	540.070
„ „	1908	92.694
„ „	1909	8.368
„ „	1910	3.777

[2]) „Правда“, орган большевиков, выходила с 22 апреля 1912 по конец лета 1914 г. г.

зогнали демонстрантов, когда они собрались около Аничкова моста.

Тоже происходило на Садовой ул. около Гостинного двора, где были произведены в течение дня три попытки к демонстрациям. Были попытки устроить демонстрацию на Гороховой у Каменного моста и на Загородней, а также на Владимирском проспекте. На Каменно-островском проспекте толпа человек в 500—600 с красным флагом пыталась прорваться сквозь густые цепи полиции и жандармерии, но потерпела неудачу.

Во многих городах, кроме Петербурга, Первое Мая ознаменовалось всеобщей забастовкой, а в некоторых—даже демонстрациями.

XX.

В 1913 и 1914 годы рост первомайского движения, отражающий общий рост рабочего движения, продолжался. Как в прошлой, так и в эти годы полиция предприняла вылавливание вожаков перед 1 мая. Несмотря на эти многочисленные аресты, празднование удалось великолепно, так как, конечно, не в одних руководителях было дело, да и всех их арестовать было слишком трудно.

Здесь уместно отметить отношение меньшевиков к так бурно растущему революционизированию рабочих масс, сказавшемуся также и в первомайском праздновании. Основная линия меньшевиков по отношении к Первому Мая, со дня его празднования в России, это—поменьше столкновений, непосредственной борьбы; они всячески старались ограничить первомайское движение загородными „маевками" или же манифестациями перед буржуазией. Им была чужда идея, что Первое Мая—день борьбы. Стихийный под'ем 1912—14 г.г., конечно, перешагнул через осторожные советы этих „друзей" рабочего класса.

В Петербурге в 1913 году в забастовке приняло участие уже 250.000 человек, в разных местах пытавшихся организовывать демонстрации, из которых две, на Лиговке и Садовой, можно считать удавшимися.

„С Забалканского проспекта, по Садовой улице и Екатерингофскому пр.. по направлению к Пряжке прошла группа демонстрантов, приблизительно человек в 300, с пением „Марсельезы"—„Вставай, подымайся рабочий народ!", пели с небольшими перерывами. Во все

время шествия никаких инцидентов не происходило. Конечно, шпики шли впереди, шли и сзади. Число демонстрантов увеличивалось во время шествия. Когда демонстранты подошли к церкви Михаила Архангела с пением, здесь появилась полиция и с большим усердием разгоняла и вталкивала под ворота и в парадные под'езды, где и арестовывала, при чем не забывала „оскорблять действием". Кулаки были в полном ходу.

„В пять часов вечера на Лиговке собрались рабочие и студенты, человек около 400, выкинули 2 красных флага и с пением революционных песен направились к вокзалу, а затем обратно. Вскоре появилась полиция, которая разогнала демонстрантов „энергичными мерами". Арестованы: 1 мальчик, 1 студент и 2 женщины" [1]).

Тоже самое происходило и по остальным городам.

XXI.

Россия шла крупными шагами к революции. Настроение рабочих масс делалось все более активным, и число стачек, ознаменовавших разные политические события, увеличилось и—главное—захватывало все большее число рабочих. Если в мае 1913 бастовало по всей стране 420.000 рабочих, то 9 января 1914 г.—140.000, в связи с массовыми отравлениями в Петербурге в марте—более 280.000, против изгнания депутатов (с.-д. на 15 заседаний) из Гос. Думы в апреле—100.000. А затем,—говорить статья „Пути Правды" [2]),—самые разнообразные политические мотивы вызывали мобилизацию сил рабочего класса. Приговор над матросами балтийского флота (100.000), гонения на рабочую печать (85.000), судебные репрессии против стачечников, дело Бейлиса, введение страхования... все это служило поводом к стачечным и демонстративным выступлениям". Приближалась новая революция—и ей предшествовали новые столкновения.

Царская охранка предприняла в грандиозном масштабе „ликвидацию" революционных организаций перед Первым Мая 1914 года.

[1]) „Правда" от 3 мая 1913 г. Цит. по М. С. Ольминскому, сб. „Из эпохи „Звезды" и „Правды", в. 1.

[2]) Выходившей вместо закрытой „Правды". Цит. все по статье М. С. Ольминского.

Особенно постаралась она в этом отношении в провинции. Как указывает тов. Ольминский (в выше цитир. статье), „ежедневно получались сведения об арестах и обысках по всей России: из Одессы, Киева, Самары, Саратова, Ростова, Ярославля, Калуги, Москвы, Тифлиса, Варшавы, Вильны, Витебска, Риги и др. Захватывались листки партийных организаций, делались налеты на собрания рабочих“.

Несмотря на это, по сведениям, полученным газетой „Путь Правды“, в первомайских забастовках участвовало: в Петербурге 280.000, в Закавказье 86.000, Риге 44.600, Москве 40.250, Ревеле 16.000, Харькове 15.000, Нижнем-Новгороде и Сормове 9.200, Николаеве 8.000, Твери 8.000, Перми 8.000, Киеве 5.000, Одессе 5.000, на Рыковских рудниках 5 000, в Самаре 2.500, Кулебяках 1.000, Смоленске 800, Гришине 800, Воронеже 500, Новгороде 190, Армавире 150, а всего 504.190. Причем имелись еще сведения о забастовках, без указания числа бастовавших, из Херсона, Тулы, Нахичевани на Дону, Иркутска, Костромы, Таганрога и Воронежского завода (М. С. Ольминский). Список этот, конечно, далек от полноты; особенно отсутствуют сведения из Польши. В Варшаве, напр., праздновавшей Первое Мая уже четвертый год в большом масштабе (считая после периода упадка) в 1914 г. бастовало 25.000 рабочих (по официальным, явно преуменьшенным сведениям), пытавшихся демонстрировать. Но город был так запружен войсками, что демонстрации не удались.

В Петербурге еще накануне вечером состоялись митинги, причем на заводе Гейснера его разогнали. Митинги в день Первого Мая были на многих крупных заводах: Ауф, Штундера, Кравцовича, Айваз, Нобеля, Леснера и т. д. Рабочие фабрики Бехли пошли по улице с красным флагом, работники и работницы фаб. Кожевникова с пением вышли на улицу („Борьба“. № 5, май 1914).

В Москве бастовало 73 предприятия; 25 типографий стояли; газеты не выходили. Делались попытки к организации демонстраций, но пресекались полицией.

XXII.

Начались годы войны. Рабочий класс был брошен в водоворот новых, грандиозных событий. Все придушено, уничтожены последние возможности легальной работы, а нелегальная стала во много раз

труднее при существовании „законов военного времени“. Железная рука военщины сжалась на горле рабочего класса.

В первые минуты были колебания: как относиться к войне?... Многие примкнули к идее „защиты отечества“, но кошмар длился недолго. Революционное движение, руководимое большевиками, несмотря на визгливые меньшевистские вопли о необходимости поддержать царя в его борьбе с врагом, почти моментально оправляется. Майский праздник проводится с не меньшим под‘емом, нежели прежде.

В Москве за две недели шли деятельные приготовления к проведению Первого Мая, как с одной, так и с другой стороны. Полиция, ввиду войны, приняла чрезвычайные меры к ликвидации подпольных организаций, могущих руководить выступлениями. Были произведены многочисленные аресты и обыски; запрещались всякие рабочие собрания, из боязни, что их используют для первомайской агитации.

Несмотря на это Первого Мая заводы стали. Бастовало (по официальным сведениям) на 13.000 человек **больше**, чем в 1914 г.

Бастующие рабочие, сперва приходили на предприятия, а потом вместе уходили с красными флагами—„Да здравствует Интернационал“, „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“—распевая революционные песни.

Листовки, выпущенные целым рядом организаций (Московской группой Р. С.-Д. Р. П., группой портных, группой студентов университета, группой организованных, с.-д. и др.), вполне естественно, обращали все внимание на войну и необходимость продолжать борьбу рабочего класса.

„Мы громче прежнего,—заканчивалась прокламация Московской группы Р. С.-Д. Р. П.,—должны провозглашать свои старые, но вечно новые лозунги. Пусть услышат их зарвавшаяся буржуазия. Пусть узнает, что российский пролетариат не изменил, а остался верен своей старой борьбе, своим принципам и лозунгам. Довольно братской крови. Долой войну! Долой царскую монархию!“ и т. д.[1]).

В другой листовке („организованной группы с.-д.“) формулируется уже требование создать III Интернационал, вместо погибшего из-за предательства социал-патриотов II-го.

[1]) Ив. Меницкий. 1-ое мая в военные годы в Москве. Сб. „Путь к Октябрю“, в. 1.

„Оставив в лагере буржуазии,—говорит она,—всех ушедших туда (оборонцев. А. Р.), очистив ряды свои от всех сочувствующих им, пролетариат с невиданной силой подымается снова на борьбу. Из этой борьбы на смену распавшегося второго Интернационала вырастет новая международная организация (третий Интернационал)".

„Долой войну, затеянную капиталистами",—заканчивается она,— „Да здравствует новый революционный пролетарский интернационал" и т. д. [1]).

В Петербурге по всем фабрично-заводским предприятиям распространялись листовки, рисующие положение так, как оно было. Раскрывались истинные цели империалистической войны и делались отсюда выводы о необходимости продолжать старую борьбу с царизмом и буржуазией, желавших построить свое благополучие на новых потоках рабочей и крестьянской крови.

Многие заводы постановили не работать в день 1-го мая, и действительно, забастовка охватила не малое число рабочих, которые кое-где пытались устроить демонстрацию, но разгонялись полицией. За городом в ряде мест удалось провести „маевки", где выступавшие ораторы развивали мысли о необходимости войны не на фронте, а в тылу.

Праздновали Первое Мая и в других городах.

В 1916 году Московская забастовка охватила не только частные предприятия, но и военные (артиллерийский завод в Пятницкой части, мастерские военных заготовок в Басманной части и др.). И это, несмотря на жестойчайшие репрессии и многочисленные аресты.

Выпущеная листовка гласила: „Нас усыпляли теми доводами, что отечество в опасности и нужно отказаться от внутренней вражды и соединить свои силы для отражения врага и спасения отечества. Теперь наступило время пробуждения от этого страшного кошмара, навеянного на нас нашими врагами: „Довольно крови. Долой войну. Да здравствует рабочий праздник!" [2]).

В Петербурге „перед первым мая Петерб. Комитет развил большую агитацию, выпустил специальную листовку и 3-ий номер „Пролетарского Голоса" (Нелегальная газета, издаваемая Петерб. К-том большевиков). Удалось провести много митингов—массовок и стачку на фабриках и заводах Питера.

[1]) Ив. Меницкой, указ. работа.

[2]) Там же.

XXIII.

Противоречия накоплялись. Самодержавие уже не смогло сдерживать их далее. Грянула февральская революция, открылась новая страница русской истории. Классовая борьба получила более открытый и ожесточенный вид. Рабочие массы организовывались, изживали иллюзии, а всеми делами пока заправляло буржуазное „Временное Правительство", поддерживаемое меньшевиками и соц.-революционерами, засевшими в Советах. Буржуазное Вр. Правительство желает повернуть вспять, вернуться к политике Николая II, но терпит поражение от революционных масс, заставивших выдти в отставку его главаря Милюкова.

Первое Мая, естественно, отражает переживаемый момент. На праздник приходят миллионы трудящихся, впервые не разгоняемые полицией. Нашими лозунгами были:

„Да здравствует мировая революция!"

„Долой войну!"

„Вся власть Советам!"

„Мир, хлеб, свобода!"

„Долой министров—капиталистов!"

„Да здравствует Учред. Собрание!" (контр-революционность которого еще не была ясна).

Митинги прошли под флагом борьбы с эс-эрами и меньшевиками, поддерживающими Вр. Правительство и войну до победного конца.

1-ое мая 1918 года прошло при совершенно иных условиях. Славная октябрьская революция уже совершилась. Заключен мир с Германией, получена знаменитая „передышка", окончившаяся победой Советской Республики. На очереди новый вопрос—**контр-революция.**

Со всех сторон наседали на молодую республику Советов русские и заграничные контр-революционеры. Нет такого клочка, кото-

рый бы не использовали для борьбы с Сов. Респуб. Окруженная врагами извне, она должна была еще бороться с внутренней изменой спецов, саботажем и т. п.

Все для гражданской войны — вот основной лозунг Первого Мая. Надо разбить контр-революцию, надо очистить страну от сопротивлявшихся буржуазии и помещиков, надо воплотить в жизнь слова — „мир хижинам, война дворцам".

Много пришлось выдержать за этот год, еще больше нам придется вытерпеть в будущем, но раскаты мировой революции уже слышны, вперед, товарищи!—так говорили ораторы на первомайских митингах.

Борьба выростала. Деникин на Юге, Колчак на Востоке и Юденич под Питером сжимали железное кольцо буржуазно-помещичьей контр-революции. Изнутри—кулацкие восстания. Вопрос ставился так: быть или не быть Р. С. Ф. С. Р. Но с другой стороны, революции в Германии, Австрии, Болгарии, Советские Республики в Венгрии и Баварии говорили о том, что пролетариат просыпается во всем мире.

Две мысли, таким образом, господствовали на первомайском праздновании в 1919 году: необходимость отстоять Советскую Республику во чтобы то ни стало и надежда на международную революцию.

Контр-революция надломлена, надо сделать еще железное усилие,—говорили выступавшие на митингах,—и враг будет сломлен. Все и все—на фронт!

Недолго нам еще ждать помощи с запада. Революции в Австрии и Германии только начало мирового пожара. Держитесь, товарищи Революция грядет!

Наконец, фронты почти закончены. Остался один „последыш"— Врангель. Но начинается новая, более трудная, более упорная борьба— с **хозяйственной разрухой.**

Гражданская война с'ела все рессурсы страны. Надо было налаживать заново производство в условиях почти полного отсутствия всего необходимого. Республика приступает к хозяйственному строительству.

„Коммунистический субботник"—вот содержание первомайского праздника в 1920 году.

Первое Мая в 21 и 22 году также ставило, главным образом, те-же лозунги хозяйственного строительства, как и в 20 году.

Не приходится говорить, что во все годы революции в праздновании Первого Мая участвовали все города и все рабочие городов, входивших в Советскую Федерацию.

Мы обозрели историю первомайского празднования в России за 32 года (1890—1922). Мы проследили как ширилось, захватывало иные и иные слои рабочих идея международного праздника, мы видели как изменялись лозунги этого движения. От борьбы за экономическое улучшение к борьбе за политическую свободу и далее—к борьбе за захват власти и удержание ее.

Революционное толкование идей Первого Мая, данное Коммунистической партией (ранее Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) оказалось единственно правильным. Не доводы разума, а факты колоссальной исторической важности доказали, что рабочий класс России шел по верному пути, когда шел за Комм. партией. Не писанная, а фактическая история Первого Мая, как мы уже указывали, была школой, которая дала возможность русскому пролетариату проделать победоносную революцию. Этим сказывается все значение Первого Мая, которое и после победы пролетариата во всем мире останется одним из наиболее близких трудящимся праздников.

Список литературы

по общественному движению в России и истории РКП (б.)

имеющихся на складах

Ростовского н-Д. Отделения

ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Улица Фридриха Энгельса, № 106.

Аркомед С. Т.— Рабочее движение и социал-демократ. на Кавказе, (с 80-х гг. по 1903 г.). Гиз. 1923 г., 181 стр., ц. 40 к.

Бубнов А.— Основные моменты в развитии коммунист. партии в России. Гиз. Р. н-Д., 1921 г., 36 стр., ц. 15 к.

Возникновение социал-демократии в России и ее первые шаги, (юбилейн. сборн. матер. и статей к 25 лет. Р. К. П.) „Гомельский рабочий", 128 ст., ц. 65 к.

Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюст. сборн. Гиз. 1920 г., 275 стр., ц. 40 к.

Зиновьев Г.— Из истории нашей партии. Петросовет, 1919 г., 28 стр., ц. 05 к.

Максаков В. и Нелидов Н.— Хроника революции в I, 1917 г. Гиз. 1923 г., 144 стр., ц. 60 к.

Материалы по истории революционного движения, Т. 3. под редакцией В. Т. Илларионова, изд. Нижег. губ. К. Р. К. 1922 г., 264 стр., ц. 50 к.

Молотов К.— К истории партии, „Москов. Рабоч.", 1923 г., 51 стр., ц. 25 к.

На заре рабочего движения в Москве. Иллюстр. сборн., Гиз. 1919 г., 199 стр., ц. 25 к.

Накануне Великой Революции. Сборник „Новая Москва", 1922 г., 176 стр., ц. 70 к.

О смене вех. Изд. „Логос", 1922 г., 83 стр., ц. 25 к.

От группы Благоева к „Союзу Борьбы" (1886—1894 гг.). Гиз. Р. н-Д., 1921 г., 127 стр., ц. 40 к.

Плеханов Г. В.— Русский рабочий в революционном движении. Гиз. 1922 г., 80 стр., ц. 30 к.

Пролетарская революция на Дону. 3 сборника. Гиз. Р. н-Д., 1922 г., по стр. 140, по ц. 50 к.

Путь к Октябрю. В I, сборник статей, „Москов. рабоч.". 1923 г., 292 стр., ц. 75 к.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков) в резолюциях ее с'ездов и конференций (1898—1922 г.г.) Гиз. 1923 г., 433 стр., ц. 1 р. 25 к.

Спиридович А.— Партия социалистов—революционеров и ее предшественники 1886—1916 г., Петроград 1918 г., 624 стр., ц. 1 р. 50 к.

Стеклов Ю. М.— Борцы за Социализм. Очерки из истории общественных и революцион. движен. в России „Денница" 1918 г., 380 стр., ц. 50 к.

Его-же — Год борьбы за социальную революцию (25-ое октября 1917 г.—25-ое октября 1918 г.) 2 части Изд. ВЦИК 1919 г., по 454 стр., по 75 к. том.

Троцкий.— Война и Революция в 2 томах, Гиз. 1922—23 г., ц. I том 1 р., ц. II т. 1 р. 60 к., стр. II тома 519.

Его-же—1905 год, в переплете. Гиз 1922 г., 427 стр., ц. 2 рубля.

Тун А.— История революционных движений в России. Гиз 1920 г., 282 стр., ц. 50 к.

Френкель А. А.— Орлы революции. Гиз, Ростов н-Д. 1920 г., с картой в красках 40 стр., ц. 20 к.

Черный передел.— Орган социалистов федералистов 1880—1881 г. Гиз 1923 г., 355 стр., ц. 75 к.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

Ашешов Н.— Желябов А. И. Материалы для биографии Из. Петросовет 1919 г., 159 стр., ц. 30 к.

Его-же.— Радищев А. Н. Первый русский республиканец. Петр. 1920 г. Гиз. 53 стр., ц. 15 к.

Его-же.— Рысаков Н. И. Материалы для биографии. Гиз. 1920 г., 68 стр., ц. 10 к.

Генкин И.— Из воспоминаний политического каторжанина. (1908—1914 г.). Гиз. 1919., 128 стр., ц. 25 к.

Дейч.— Клеменц Д. А. Гиз. 1921 г., 40 стр., ц. 10 к.

Его-же.— Почему я стал революционером. Гиз. 1921., 48 стр., ц. 15 к.

Его-же.—Русск. революц. эмиграция 70-х годов. Гиз. 1920 г., 87 стр., ц. 15 к.

Демор.— Петрашевский М. В. (Буташевич). Библиогр. очерк. Гиз. 1920 г. 32 стр., ц. 25 к.

Засулич В. И.— Революционеры из буржуазной среды. Гиз. 1921 г., 67 стр., ц. 20 к.

Карийская трагедия 1889 г. Воспоминания и материалы. Гиз. 1920 г, 76 стр., ц. 20 к.

Колпенский В.— Якутская ссылка и дело романцев. Гиз. 1920 г., 64 стр., ц. 15 к.

Круковская.— Шлиссельбургский узник В. Лукасиньский. Гиз. 1920 г., 70 стр., ц. 15 к.

Лопатин Г. А.— Сборник статей. Гиз. 1922 г., 218 стр., ц. 30 к.

Новорусский.— Записки Шлиссельбуржца 1887—1905 г. Гиз. 1920 г., 245 стр., ц. 30 к.

Павлов-Сильванский.— Пестель П. И. († 13 июля 1826 г.). Биогр. очерки. Гиз. 1919 г., 32 стр., ц. 5 к.

1 Марта 1881 г. Прокл. и воззван. и проч. Гиз. 1920 г. 32 стр., ц. 5 к.

Серебряков.— Революционер во флоте, из воспоминаний. Гиз. 1920 г., 64 стр., ц. 25 к.

Тахтарев.— Очерк Петербургского рабочего движения 90-х годов., Гиз. 1921 г., 96 стр., ц. 20 к.

Троцкий.— Туда и обратно. Гиз. 1910 г. 64 стр., ц. 10 к.

Шилов А. А.— Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. Гиз. 1920 г. 56 стр., ц. 10 к.

Штрайх.— Восстание Семеновского полка в 1820 г. Гиз. 1920 г., 48 стр. ц. 10 к.

МЕМУАРЫ.

Граф С. Ю. Витте — Воспоминания (царств. Николая II) 2 тома, Гиз 1923 г., 989 стр., ц. 4 р. 50 к. за 2 тома.

Курлов П. Г.—Конец русского царизма, Гиз 23 г., 296 стр., ц. 75 к.

Лопухин А. А.— Отрывки из воспоминаний (по поводу „воспоминаний гр. С. Ю. Витте“). Гиз 1923 г., 98 стр., ц. 40 к.

Лемке М.— 250 Дней в Царской ставке, (25 сент. 1915 г.—2 июля 1916), Гиз 1920 г. 860 стр., ц. 80 к.

Палеолог М.— Царская Россия во время мировой войны. „Петроград“ 1923 г. 315 стр., ц. 1 р.